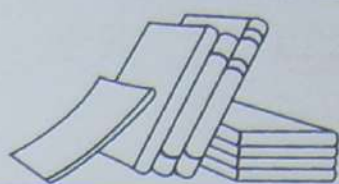
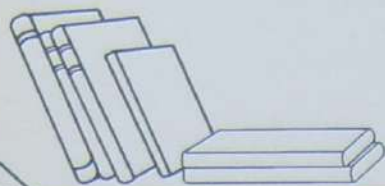

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВETERАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 2. Пехотинцы от А до Л.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ, ТРУДА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.

Л.А. Попов

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 2. Пехотинцы от А до Л.

Навстречу 70 – летию Великой Победы

Челябинск 2012

КОНСУЛЬТАНТЫ:

Козлов Евгений Николаевич

УЧАСТНИК ШТУРМА БЕРЛИНА

**Почетный председатель городского комитета ветеранов войны,
боевых действий и военной службы**

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

БЕЛОЗЕРЦЕВ АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ, ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

ТЕРЕХОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ.

Это нашей истории строки.

Великая Отечественная война Советского Союза, начавшаяся 22 июня 1941 года после нападения на СССР фашистской Германии и ее союзников: (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии) «с целью истребления и порабощения населения СССР... уничтожение в 1,5 – 2 месяца советских вооруженных сил... и захват территории до Волги» являлась главной составляющей 2-й мировой войны.

(СЭС. М., 1979. С. 203.)

«Характерной особенностью 2-й мировой войны стало преобладание потерь мирного населения над военными. Так, всего в этой войне погибло 55 млн. чел., из них чуть больше трети приходится на потери Вооруженных Сил».

«Перед нападением Германии на СССР советская армия в приграничных округах насчитывала 3,2 млн. чел. Фашистская Германия сосредоточила в этом районе 4,2 млн. чел».

«За годы войны количество мобилизованных в СССР достигло 29,5 млн. человек, т.е. 15% населения страны. В Германии за этот период мобилизовано 12,5 млн. человек, т.е. 18% своей страны».

(Н.Шефов. Вторая мировая война 1939-1945. М., 2010. С.403, 132, 403).

«К началу 2-й мировой войны численность Вооруженных Сил СССР составляла 5,4 млн. человек, в мае 1945 – 11,4 млн. Человек».

«Основную тяжесть вооруженной борьбы несли сухопутные войска... Стрелковые войска являлись основным родом сухопутных сил и составляли 60% общей численности личного состава...», большую часть которого составляла пехота.

«Важнейшим фактором неуклонного роста могущества Советской Армии и Флота являлась партийно-политическая работа, направленная на воспитание у личного состава высоких морально-боевых качеств... Она мобилизовала воинов на выполнение приказов командования не за страх, а за совесть».

Красная Армия показала в ходе войны, что по своему политико-моральному состоянию она являлась непревзойденной. «И в обороне, и в наступлении многие советские воины шли на самопожертвование, которое является высшей нравственной категорией. Так в августе 1941 года... политрук А.К. Панкратов, в декабре 1941 года... сержант В.В. Васильковский, в феврале 1943 года... рядовой А.М. Матросов совершили бессмертный подвиг: телами своими закрыли амбразуры вражеских дзотов, спасая жизнь своих товарищей... Их величественный подвиг повторили более 200 советских воинов».

(История Второй мировой войны. Т.12. М., 1982. С. 241, 243, 48)

В ниже следующих рассказах ветераны Челябинска свидетельствуют о героических и трагических мгновениях Великой войны. О том как «в битве народов советские люди отстаивали честь, свободу и независимость не только социалистической Родины... Они сыграли решающую роль в спасении народов мира от угрозы порабощения фашизмом».

(ВОВ Советского Союза. М., 1967. С. 7.)

САМИ МЫ НЕ СТРЕЛЯЛИ

Юность Николая Дорофеевича Антипина прошла в Юрюзане среди покрытых сосновым лесом гор, с острыми скалистыми вершинами, и небольших, но стремительных горных речек. Здесь он окончил школу ФЗО, получил рабочую закалку. В 1940 году по распределению приехал в Челябинск на завод имени Серго Орджоникидзе, где начал работать слесарем и одновременно с увлечением заниматься в аэроклубе. Когда началась война, он пришел в военкомат, предъявил свой комсомольский билет и заявил: «Родина в опасности, мой долг быть на фронте, прошу призвать меня в Красную Армию». Ему вручили повестку и направили в чебаркульские лагеря, откуда после четырехмесячных курсов ускоренного обучения Н. Д. Антипин отбыл в 18-ю мотострелковую бригаду и вскоре стал командиром отделения разведки.

«Мы, артиллерийские разведчики, — рассказывал он, — в тыл к немцам за «языком» не ходили. У нас была другая задача — определять места скопления противника и передавать их координаты на батарею. Поэтому во время Курской битвы мы сами не стреляли, а только наводили огонь своих орудий надвигающиеся бронированные колонны врага. И считали своей заслугой, когда от прямого попадания снарядов окутывался дымом и горел немецкий танк или когда снаряд сбивал башню с тяжелой машины врага. В один из моментов боя противник заметил нас. Мы были вынуждены отходить на своем бронетранспортере. Немецкий танк погнался за нами, стреляя на ходу, но мазал. Снаряды рвались рядом. Благодаря мастерству водителя бронетранспортера нам удалось достичь лесного массива и скрыться среди деревьев без потерь и повреждений.

А вот один из боев под Харьковом чуть не стал для меня последним. Мы тогда оборудовали свой наблюдательный пункт в траншее пехоты и направляли огонь артиллерии на наступающего врага. Через наши головы летели снаряды, хлопали противотанковые ружья, трещали пулеметы и автоматы, тут же рвались вражеские мины — все это слилось в сплошной гул, среди которого неожиданно из облака густого дыма вырвался немецкий танк и понесся в нашу сторону. Нас он не видел и, вероятно, посчитал, что здесь ему будет легче преодолеть траншею и атаковать батарею, расположенную в метрах ста на возвышенности. Стенки нашей траншеи под тяжестью вражеского танка не выдержали. Мгновенно мы с ростовчанином Иваном Жуковым оказались придавленными землей. Не знаю, сколько прошло времени. Я с трудом высвободил одну руку, потом другую, поднял голову и увидел Ивана Лоскутова, орудующего лопаткой. Поблизости от траншеи дымил вражеский танк, несколько трупов танкистов валялись возле него, один фашист, полуобгоревший, не успев выбраться из люка, висел вниз головой. Это был тот самый танк, который, едва не раздавив нас, преодолел траншею, но находившиеся рядом Иван Лоскутов и другие солдаты закидали его сзади гранатами и бутылками с зажигательной смесью. За возвышенностью, словно молнии, вспыхивало и гасло какое-то зарево. В одиноко стоящее дерево попал снаряд, разнес его в щепки. Но при этом стояла глубокая тишина. И только тут я догадался, что лишился слуха. К счастью не навсегда. Примерно через месяц слух восстановился, и я вновь встал в строй разведчиков.

В конце октября 1943 года мы получили приказ переправиться через Днепр на плацдарм для корректировки огня батареи. Это легко сказать переправиться. Лодки, понтоны враг сразу обнаруживал и открывал по ним огонь, не жалея снарядов. А на мелкие предметы, плывущие по реке, он не обращал внимание. Это подметил Иван Лоскутов — хороший спортсмен, пловец, работавший до войны преподавателем физкультуры. Он разделся до трусов, надел на себя пробковый пояс, на маленький плотик, устроенный из двух досок, положил автомат и обмундирование, привязал к доске телефонный кабель и, войдя в холодную воду, поплыл, увлекая за собой плотик. А потом с помощью телефонного кабеля он перетянул к себе другие плотики, держась за которые переплыли Днепр и мы. К утру связь с батареей была установлена. Враг, попытавшийся

сбросить защитников плацдарма в реку, попал под вызванный нами артиллерийский огонь, и это способствовало тому, что защитники плацдарма выстояли. По итогам боев на Днепре всем нам вручили ордена Красной Звезды».

Войну Н. Д. Антипин завершил в Берлине и Праге. В 1945 году возвратился в Челябинск. Работал инструктором Ленинского РК КПСС. В 1952 году его вновь призвали на военную службу, на этот раз на 4-й Балтийский флот, где он служил в должности заместителя командира по политической части. В 1970 году уволился в запас. Продолжительное время, несмотря на возраст, он активно участвовал в общественной жизни, являлся председателем городского совета ветеранов бронетанковых войск, многое сделав для укрепления ветеранских рядов Челябинска.

ЗАЩИЩАЯ МОСКВУ

Кто хоть раз был в
рукопашной, не
забудет никогда.

Ю. Друнина

Ушли в далекую историю тревожные осенние дни 1941 года, когда враг рвался к Москве, а мысли людей во всех уголках Советского Союза были прикованы к столице. Всех волновал вопрос: «Выстоит ли Москва?» И вдруг сообщение ТАСС о том, что 7 ноября состоялся парад войск Московского гарнизона на Красной площади в Москве. Командовал парадом генерал Артемьев, принимал парад маршал Буденный. Г. К. Жуков впоследствии этот парад оценил так: «Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение».

О параде 1941 года немного написано. Он не был таким торжественным, как последующие, и вошел в историю войны как парад бессмертия. Один из участников этого парада, Федор Николаевич Брагин, жил в Челябинске и возглавлял комитет участников Великой Отечественной войны Metallургического района. В своих воспоминаниях он был немногословен:

«В параде 1941 года ничего красивого и интересного не было — снег валил. Шли мрачные. Кто-то шел в шинелях, кто-то в бушлатах, а кто-то в полушубках. К торжественному маршу никто не готовился. Мы даже не знали, что идем на парад. 7 ноября нас разбудили в 5 часов утра, сказали, что идем готовиться к смотру войск, уходящих на защиту Москвы. В 6 часов прибыли в район Лужников. Там, в сводном подразделении 84-й морской бригады, в количестве 100 человек, в число которых входил и я, прошагали несколько раз по очищенным от снега дорожкам строевым шагом, во главе со своим комбригом полковником Молевым. А в 8 часов на Красной площади состоялся парад.

Вначале выступил И. В. Сталин, его речь транслировалась через громкоговорители, но слышимость была плохой. Затем раздались звуки «Интернационала», громкое «ура», и на Красную площадь вступили войска. Моряки привыкли ходить размашистым шагом. Так мы и шли. Погода стояла морозная. Мавзолей, справа, был словно в дымке. На Мавзолее находился И. В. Сталин и еще несколько руководителей. Почти все гостевые трибуны пустовали.

Мне ведь тогда всего 18 лет было. Чтобы попасть на фронт, я прибавил себе два лишних года. В Москве раньше бывать не приходилось. Прошагали мимо красивой церкви, и только много позже я узнал, что церковь эта — собор Василия Блаженного.

Некоторые части с Красной площади ушли на фронт, мы же вернулись в свое подразделение. Зубчатка Московского Кремля, знакомая еще со школьной скамьи, Мавзолей в голубой дымке остались в моей памяти на всю жизнь».

Недолго находились в Москве моряки. Командование задействовало их на самых ответственных участках. А о том, как они воевали, свидетельствует такой факт: испытав на себе силу ударов краснофлотцев, враг стал именовать моряков «черной смертью».

Зима 1941 года выдалась морозной. В подмосковных лесах выпало много снега. Краснофлотцы 84-й морской бригады 1-й ударной армии 14 декабря 1941 года марш-броском продвигались в район Клина. Их путь пролегал по просеке, между елями, покрытыми пушистым снегом. Иногда кто-то из краснофлотцев задевал ветки штыком, и тогда снег сыпался на их головы, но на это никто не обращал внимания. Последним было идти легче, они шли уже по протоптанной дорожке, а первым приходилось идти по свежему снегу. Все предчувствовали близость боя. Противник находился где-то рядом. Его ждали. И все-таки вышли на него неожиданно. Но неожиданными оказались для противника и краснофлотцы, выскочившие из-за деревьев и бросившиеся в штыковую атаку. Все произошло почти молниеносно. И на занесенном снегом поле закипела рукопашная схватка. Треском выстрелов, лязгом штыков, криками и дикими воплями огласилась окрестность. Люди уничтожали друг друга. Белый снег обагрился кровью. Кто-то падал, кто-то пытался встать, кого-то добивали прикладом. Младший лейтенант Брагин уже расстрелял обе обоймы своего пистолета, когда увидел перед собой ствол автомата рванувшегося к нему фашиста. «Сам не знаю, как удалось мне тогда увернуться от его пуль, — вспоминает Федор Николаевич. — Я почти машинально нагнулся, схватил валяющуюся под ногами винтовку со штыком павшего бойца и, как нас учили в училище, всадил штык в живот немцу. Первое, что увидел я, приходя в себя, падающий из его рук автомат и отчаянные, охваченные ужасом глаза. Глаза врага, которые снились мне потом не одну ночь».

В этом бою погиб командир бригады моряков полковник Молев. А на другой день, 15 декабря 1941 года, мстя за своих погибших товарищей, 84-я морская бригада штурмовала и освободила город Клин, совместно с наступающей с севера 371-й стрелковой дивизией, сформированной в Челябинской области, в Чебаркуле, в рядах которой дрался отец Ф. Н. Брагина, Николай Иванович. Но об этом Федор Николаевич узнал только в 1943 году, когда Николай Иванович, получивший ранение под Ржевом, попал в госпиталь, а из госпиталя инвалидом вернулся домой, здесь-то и встретились отец и сын, оба защитники Москвы.

Накануне праздника Дня Победы об этом эпизоде решил написать рабкор газеты «Голос строителя». А написав, показал текст Ф. Н. Брагину, работавшему тогда председателем Комитета ДОСААФ «Челябметаллург- строя». Федор Николаевич, читая заметку, дойдя до фразы «И снег обагрился кровью...», иронически заметил автору: «Ну, ты просто как петуха зарезал». И продолжал: «Ведь война — это ад. Это — страшно. Там было столько крови, что на нее никто не обращал внимания. Я помню, как лежал, зарывшись в снег, а немец палил по нам трассирующими пулями, и казалось, что каждая пуля летит именно в тебя. А в 18 лет умирать никому не хотелось. Нужно подниматься в атаку, а я оцепенел от страха. И, чтобы перебороть страх, стал убеждать самого себя: «Ведь я же командир, комсомолец, будет позором, если не поднимусь». И я поднялся. А за мной поднялись мои моряки. Потому что были они истинными патриотами, добровольцами с кораблей Тихоокеанского флота. И знаешь, как нам сегодня становится обидно, когда какой-то не нюхавший пороха бумагомарака пишет о том, что в бой мы не сами шли, а гнали нас войска НКВД. И эту чушь печатают некоторые газеты. Уверен в том, что такое отношение к памяти о войне временное. Подвиг нашего поколения в Великой Отечественной войне бессмертен».

7

Юношей Ф. Н. Брагин очень хотел стать военным. Учился на отлично. Из военного училища его выпустили досрочно, присвоив офицерское звание. Но при защите Москвы в одном из боев, поднимая своих краснофлотцев в атаку, он получил тяжелое ранение. «Меня

словно раскаленным обручем долбануло», — рассказывал Федор Николаевич. Став инвалидом войны, он работал военруком в школе. Заочно закончил педагогический институт, стал директором школы и почетным гражданином города Скопина. А в настоящее время с завидной энергией участвует в ветеранском движении Челябинска, показывая молодежи пример беззаветного служения Родине.

КАМИКАДЗЕ

В конце 1944 года, не имея возможности противостоять возрастающей мощи Военно-морского флота США, генералитет Японии, используя религиозные чувства и слепой фанатизм некоторой части молодежи своей страны, решил создать специальные отряды летчиков-смертников (камикадзе) для борьбы с кораблями противника под девизом «Один самолет — один корабль». Слово «камикадзе» было заимствовано из средневековой поэмы, в которой рассказывалось о «святом ветре», уничтожившем огромный вражеский флот, направлявшийся к берегам Японии. Кандидаты в камикадзе подбирались из числа наиболее решительных и религиозных юношей. В их задачу входило поднять в воздух самолет с 250-килограммовой бомбой и управлять им до момента столкновения с кораблем противника. В октябре 1944 года осуществлен первый вылет эскадрильи камикадзе. Вначале летчики-смертники летали на устаревших самолетах-истребителях «Зеро». К началу 1945 года были созданы специальный самолет «Накадзаима» и пилотируемая ракета-бомба «Цветок вишни», имевшая заряд весом 750 килограммов, а позднее 2 тонны. По примеру авиаторов «специальные отряды» стали создаваться и на ВМФ Японии. Против кораблей США использовались люди-торпеды «кайтен», взрывающиеся катера и пловцы-подрывники. За время войны камикадзе совершили свыше 5000 самолетовылетов, но только 20% их оказались эффективными. Ими, по данным США, было потоплено 45 боевых кораблей и повреждено около 300, в том числе 12 авианосцев и 15 линкоров.

Челябинец Матвей Семенович Вавилов, прошедший войну с Японией с первого до последнего дня, вспоминая о былых сражениях, коснулся и темы камикадзе. «Отдельные отрывочные сведения, — рассказывал он, — о японских летчиках-смертниках, действовавших против кораблей США во время 2-й мировой войны, доходили и до нас, воинов-дальневосточников. Мы их поступки расценивали, как пример воинской доблести, и почти не обращали внимание на то, что камикадзе совершали самопожертвование с твердым убеждением того, что после смерти по воле богов они немедленно перейдут в другой мир и продолжат жить в вечном блаженстве, а некоторых из них, провозжая в полет, приковывали к штурвалу цепями. Впоследствии камикадзе стали распространенным явлением среди солдат-смертников в сухопутных войсках японской армии, где желающих переместиться в потусторонний мир и продолжить там жить припеваючи без каких-либо забот было немало. Несмотря ни на что, вокруг камикадзе складывался ореол героической романтики, а у нас возрастала настороженность, ведь война СССР с Японией была уже не за горами.

Для вступления в войну с восточным соседом у нас были веские причины. Японские милитаристы многие годы вынашивали план захвата советского Дальнего Востока, систематически устраивали провокации на границе, вели себя вызывающе, поэтому даже в самые трудные периоды войны с фашистской Германией СССР был вынужден держать на Дальнем Востоке несколько армий в полной боевой готовности, а мы, красноармейцы и

8

командиры, пребывали в постоянной тревоге. И вот наступил момент, когда 211-й стрелковый полк 22-й Краснознаменной дивизии, в котором я служил в должности командира пулеметного взвода, вышел к советско-маньчжурской границе. Мы залегли вблизи пограничного столба. Быстро сгущались сумерки. Нигде не было видно ни одного огонька, установилась необычайная напряженная тишина. Моросил мелкий дождь. До начала войны с Японией оставались уже минуты. По замыслу командования на главном

направлении 1-го Дальневосточного фронта действовала 5-я армия, передислоцированная из-под Кенигсберга. А нам предстояло преодолеть горно-пересеченную местность Сихотэ-Алиня обходным маневром – через леса и болота, чтобы с востока замкнуть кольцо окружения вокруг группировки японских войск, выйдя на Мулин и далее на Муданьцзян. Ровно в 00.00 часов 9 августа взлетела вверх красная ракета и тут же последовала команда «Вперед!». Развернувшись в цепь, мы двинулись через границу. Идущие впереди танки прокладывали через густой кустарник и лес дорогу пехоте. На третьи сутки похода мы имели первое боестолкновение с противником. В последующие дни японцы действовали наскоками; заняв выгодные позиции на вершинах сопков, обстреливали нашу колонну, а после ответного огня – отходили. Мы же шли не останавливаясь. Дорога была адская. Солнце палило нещадно. Красная, желтая, серая пыль мешала дышать.

Через несколько дней похода рано утром мы проходили какое-то село. Жители здесь от нас не прятались, они стояли у своих домов, кто-то из них что-то кричал, кто-то махал руками, изображая приветствие, у некоторых в руках были красные флажки, что придавало нам бодрости и поднимало настроение. Но, выйдя за село, мы увидели ужасающую картину. По-видимому ночью впереди нас проходили танки. Японские смертники, обвешанные взрывчаткой, пытаясь остановить их, бросались под гусеницы. Искореженные, раздавленные тела, перемешанные с грязью, лежали в один ряд недалеко друг от друга. Создавалось такое впечатление, что смертники улеглись на дороге все разом по команде, а танки проехали по ним так, что ни один из танков не был поврежден. И теперь из кучи дорожного мусора, оскалившись, выразительно смотрела на нас голова одного из мечтавшего попасть в рай. Мне невольно вспомнились прежние рассказы о камикадзе, но чувства уважения к ним, как героям, уже не было. Наоборот, стало жаль этих людей, поверивших в небылицы о загробном мире и совершивших величайшую глупость, отдав свои жизни неизвестно кому в угоду. После такого зрелища мы долго не могли принимать пищу, испытывая отвращение. Лишь последующие бои заставили нас не вспоминать увиденное».

М. С. Вавилов родился 20 августа 1921 года. До 1993 года работал в системе Госбанка г. Челябинска. Будучи на пенсии, он, озабоченный тем, что отдельные эпизоды из истории войны с Японией описываются в литературе не всегда точно, решил дополнить их своими собственными воспоминаниями. В 80 лет М. С. Вавилов написал и подготовил к печати очерк «На сопках Маньчжурии». В настоящее время завершает работу над рукописью будущей книги «И вся-то наша жизнь есть борьба». Эту книгу можно оценивать по-разному, но в ней есть одно бесспорное преимущество – это достоверность, так как написана она непосредственным участником войны с милитаристской Японией.

ХИНГАНСКИЙ ПОХОД

О переходе Суворова через Альпы знают почти все, а вот о героическом переходе советских войск через Хинган в августе 1945 года знают немногие. И это несправедливо», – так считает челябинец, участник войны с Японией Вардугин Григорий Михайлович. Он родился 12 февраля 1927 года, с 13 лет работал в колхозе, пахал, боронил, ухаживал за лошадьми. В ноябре 1944 года его призвали в РККА и направили учиться в

9

Красноуфимскую школу снайперов. «Школу я окончил 9 мая, – вспоминал Григорий Михайлович, – когда страна ликовала, празднуя долгожданную Победу. Нас распределили по воинским частям и привезли в Монголию. Разместили в палатках по 12 человек в каждой. Меня назначили командиром отделения. Вокруг нашего лагеря, до самого горизонта, простирались песчаные степи и нигде не было видно ни одного деревца.

В начале августа поступил приказ 338-й дивизии, в которую входил наш полк, выдвинуться в район сосредоточения к Монголо-Маньчжурской границе. Марш совершался тремя переходами по колонным путям, проложенным по азимуту, делая до 80 километров в

сутки. Стояла страшная жара. Вода во фляжках быстро кончилась. Сильно хотелось пить. Уже во второй день марша люди от усталости и жары стали падать. Наша колонна остановилась. Объявили привал. Пошли искать воду. Нашли артезианский колодец. Наполнив баклажки водой, я пошел обратно и заблудился. Кругом голые сопки, а за сопками опять сопки. Стало темнеть. Подул ветер. На почерневшем небе зажглись звезды. Я растерялся. В какую сторону идти, не знаю. Но, забравшись на вершину очередной возвышенности, наконец-то увидел вдали огоньки. Догадался, что это привал нашего полка. На душе полегчало. Когда я пришел в расположение своей роты, старшина набросился на меня: «Ты куда пропал? Где шляешься?» Ребята налетели со всех сторон, расхватили баклажки и мою тоже прихватили и разошлись. Я остался стоять один, без воды, пить еще больше захотелось.

Большой и Малый Хинган – это горная система на северо-востоке Китая и Монголии. Она простирается на 12 тыс. километров, ее ширина 400 километров, высота гор достигает до 2000 метров. На протяжении длительного времени считалось, что районы Большого и Малого Хингана являются недоступными для действия войск и прохождения военной техники. Такого же мнения придерживалось и японское командование, считая Большой Хинган естественным препятствием, которое поможет сдержать наступление советских войск. Но в ходе Маньчжурской операции 1945 года советские воины опровергли эти предположения. В то время хребты Большого Хингана были почти безлюдными, лишь изредка встречались там небольшие поселения охотников-орочонов, живущих в юртах, землянках или в глинобитных домах. Одеждой им служили бараньи шкуры, на головах они носили тростниковые шляпы. Вначале ороحوнов сильно встревожило появление незнакомых солдат, их пугала незнакомая им военная техника. Но узнав, что перед ними солдаты армии СССР, посланцы Сталина, лица у жителей гор светлели, души раскрывались нараспашку и они готовы были оказывать любую помощь красноармейцам.

Преодолев Хинган, советские войска, словно снег на голову, свалились на противника и с ходу овладели железнодорожной станцией Дэбосы. У населенного пункта Дахэ произошел бой. Заработали катюши и артиллерия. Советская самоходка разбила сложенный из камней холм, а там оказался замурованный японский снайпер-смертник. На подходе к городу Ванемяю самоходчики догнали крупный кавалерийский отряд баргутов. Кавалеристы пытались уйти через болото. Но оказалось, что проходимость по болоту наших самоходок значительно превосходила проходимость лошадей. Кавалеристов разоружили и отправили в тыл».

Участник тех событий Г. М. Вардугин подвинул кресло ближе к столу и, показывая фотокарточки военных лет, продолжил свой рассказ: «9 августа, после объявления СССР войны Японии, мы перешли границу и продолжили марш в горы. У каждого из нас за плечами автомат ППШ, 2 диска, 3 гранаты, саперная лопатка, скатка и вещмешок с сухим пайком на трое суток. По мере продвижения вперед горы становились все круче и круче. Мы взбирались вверх, порой, как альпинисты. Карабкались по почти отвесным склонам, преодолевая скалистые вершины, падали, вставали друг другу на плечи, помогали товарищам, а товарищи помогали нам. Позднее узнали, что склоны Большого Хингана на отдельных участках были более пологими, по ним прошли танковые подразделения. Нашему же полку было поручено преодолеть наиболее сложный участок хребта, где

10

японцы советских солдат не ждали. Поэтому застигнутые врасплох они бросили нам навстречу лишь в спешке сформированный офицерский эшелон из семи вагонов. Начался бой. В ходе перестрелки выяснилось, что вооружены японцы винтовками и пулеметами, автоматы у них отсутствовали. Но каждый японский солдат имел саперную лопатку, которая в считанные секунды превращалась в миниминиомет, лопасть лопаты – в минометную плиту, а рукоятка – в ствол. В ходе боя мы противника потеснили, он понес большие потери. Много там полегло и наших. В перестрелке погиб мой помкомвзвода, меня назначили на его место. К вечеру поступил приказ отойти от станции. А утром, когда мы вновь двинулись вперед,

увидели, что на вчерашнем поле боя все трупы японцев раздетые. Это поработали местные жители, они забирали все, что только можно было взять с убитых.

Спустившись в Маньчжурскую долину, мы прошагали походным маршем до Порт-Артура. Питались в пути только теми продуктами, которые предлагало население Маньчжурии. Насильственное изъятие продуктов у китайцев запрещалось. Но наши заготовщики не всегда с этим приказом считались. И однажды за это двоих из них приговорили к расстрелу. Заготовщиков на виду у всех провели к соседней водокачке, откуда прогремели два выстрела. После этого случая нарушений при заготовке продуктов больше не наблюдалось. Позднее, когда война с Японией уже закончилась, неожиданно в Порт-Артуре я встретил одного из расстрелянных заготовщиков. Он мне рассказал, что в водокачке, выстрелив два раза в воздух, их направили служить в другую часть и предупредили, если об этом они кому-то расскажут до окончания войны, то второй раз расстрела не избежать.

Порт-Артур, старинный русский укрепрайон, ныне это китайский город Люйшунь, предстал перед нами на сказочно красивом берегу залива между Электрическим утесом, скалистой стеной обрывающимся к Желтому морю, и Золотой горой, с вершины которой просматривался океан во всем его величии. На голубой поверхности моря всегда было много больших и малых судов. Несмотря на частые шторма в этом районе, китайские рыбаки на своих джонках смело выходили в открытое море, чтобы добыть угрей, рыбу, считающуюся в Китае деликатесом. Мы были приятно удивлены, когда увидели на Порт-Артурском кладбище с какой аккуратностью японцы содержали захоронения русских солдат и офицеров, погибших в Русско-японской войне 1904–1905 годах. Возможно, поэтому мы к пленным японцам относились с сочувствием. Пленные жили в казармах, на работу ходили строем, часто исполняя русскую песню о Катюше. Здесь, в Порт-Артуре, в моей жизни произошли знаменательные события. Меня пригласили служить в отделе контрразведки 39-й армии и приняли в члены ВКП(б), чем я всегда гордился и продолжаю гордиться до настоящего времени. В 1948 году закончился трехгодичный срок пребывания японцев в советском плену, они возвращались на родину. Нашему отделу было поручено проследить, чтобы ни один японец не остался в СССР. А желающих остаться было немало. Многие пленные просили дать им любую работу и позволить жить в стране советов, объясняя, что в Японии в настоящее время царят разруха и безработица. Но мы выполняли приказ и ни один пленный японец не остался на территории СССР.»

После войны Г. М. Вардугин окончил машиностроительный техникум и 40 лет работал на Челябинском тракторном заводе. Стал изобретателем СССР, «Лучшим изобретателем ЧТЗ». На его счету 14 авторских свидетельств на изобретения, которые внедрены и до сих пор используются на многих машиностроительных заводах. А вместе с авторскими свидетельствами Григорий Михайлович бережно хранит еще один документ, который гласит: «...за прорыв Маньчжуро-Чжалайнурского и Холун-Аршанского укрепрайонов японцев, форсирование горного хребта Большой Хинган, преодоление безводных степей Монголии и освобождение Маньчжурии Вам объявлена благодарность Генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина».

11

В настоящее время у Г. М. Вардугина появились проблемы со здоровьем. Развал на селе вынудил его продать свой домик в деревне, где он обычно проводил время летом, и вернуться обратно в Челябинск. Но он по-прежнему бодр, сохраняет активную жизненную позицию, является заместителем председателя комитета ветеранов войны и военной службы Центрального района г. Челябинска. При его участии создан музей боевой и трудовой славы в 63-й гимназии, в которой он является частым и желанным гостем гимназистов, передает им свой опыт, знания и правду о войне. Таков он, представитель славного поколения победителей, воин, гражданин, настоящий коммунист и патриот Великой России. Прощаясь, он пожелал нам успехов, новых встреч, добродушно улыбался, а на груди его сверкала на солнце до блеска начищенная медаль «За победу над Японией».

МУЖАЛИ В БОЯХ

Воробьев Николай Егорович родился 1 декабря 1925 года в г. Боровичи Ленинградской области. Учился в автодорожном техникуме. В 1941 году, когда началась война, техникум эвакуировали на Урал в Нижний Тагил. Н. Е. Воробьев поступил на работу в автохозяйство учеником автослесаря. В 16 лет научился управлять автомобилем. Вместе со всеми рабочими проходил всеобуч, изучал военное дело, стрелковое вооружение, мины, гранаты отечественные и немецкие. Имел значки ГТО, «Ворошиловский стрелок», прыгал с парашютом, хорошо бегал на лыжах. В 1942 году его призвали в РККА. Службу он начал в 389-м стрелковом полку, укомплектованном исключительно призывниками 1925 года рождения. 12 января 1943 года на Волховском фронте молодые солдаты приняли присягу и поклялись, не щадя своей жизни, защищать город Ленина. После прорыва блокады полк вошел в Ленинград и дислоцировался на Малой Охте в Новочеркасских казармах. Днем солдаты занимались боевой подготовкой, ночью устанавливали аэростаты заграждений. В апреле, после завершения курса обучения молодых бойцов, уже возмужавших и научившихся ненавидеть врага, распределили по разным действующим подразделениям. В качестве второго номера станкового пулемета «максим» Н. Е. Воробьев участвовал в боях в районе Синявинских болот и 7-й ГЭС. Был ранен и контужен. После лечения в госпитале участвовал в боях по снятию блокады Ленинграда. О том периоде сражений он вспоминал: «Из батальона выздоравливающих бойцов меня направили в инженерно-технический штурмовой батальон, приданный 102-му отдельному тяжелому танкосамходному полку. В январе 1944 года войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота завершали подготовку к большому наступлению, в ходе которого предусматривалось на первом этапе окружение и разгром Петергофско-Стрельниковской группировки врага. Для этой цели на Ораниенбаумском пятачке сосредотачивались войска 2-й ударной армии, артиллерия, гвардейские минометы и танки, выкрашенные в белый цвет. Мы – пехота – в белых маскировочных халатах на покрытой белым снегом поляне казались почти незаметными. Но после вражеского артонала перепаханное снарядами поле стало черным. Мы же по-прежнему оставались в белом и потеряли свое преимущество в маскировке. 14 января по цепи прошла команда: «Приготовиться к атаке». Наступили минуты напряженного ожидания призыва: «За Родину, за Сталина, вперед!» Но взметнулась вверх сигнальная ракета. И вместе с грохотом артиллерийской канонады вдруг из репродукторов, установленных на танках, грянула мобилизующая на подвиги суровая песня: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Знакомая мелодия буквально взбудоражила души бойцов. Отбросив мрачную мысль «А вдруг меня убьют», они поднялись во весь рост и лавина танков, машин, людей хлынула на противника и ее уже никто ничем не мог остановить. Укрепления врага были прорваны.

12

На броне танков мы впятером достигли первой линии обороны немцев, соскочили на землю и проникли во вражескую траншею с целью ее зачистки. Передвигаясь по траншее, я увидел выбежавшего из-за блиндажа гитлеровца, ошеломленного от ударов нашей артиллерии и, по-видимому, отставшего от своих. Все произошло мгновенно. Я дал по нему очередь из автомата. И он упал. Мы подбежали к блиндажу, открыли дверь, а в блиндаже – никого нет. Перед моими глазами всплыло испуганное лицо убитого мною немца. «Надо было бы взять его в плен», – упрекал себя я. Подошел к убитому, по виду он был немного старше меня. Какое-то странное чувство жалости возникло по отношению к нему. «Но ведь если не я его, то он бы меня...», размышлял я. А между тем развернулись бои за высоту. Ее занимали немцы. Внизу протекала речушка, еще не совсем замерзшая. Первый эшелон наших танков пытался взять высоту с ходу. Но немцы с высоты как дадут из пушек болванками, болванки идут по снегу, словно торпеды, сметая все на своем пути. И наш эшелон был почти

весь разбит. На поле боя горели танки, валялись сбитые с танков башни. Продвижение вперед остановилось. В бой вступил второй эшелон. Мы вновь разместились на танках и танки понесли нас через снежную пелену в обход противника, чтобы перерезать ему пути подвоза на высоту боеприпасов.

Впереди, метров в 50, Т-34 с десантом на броне таранил немецкую автомашину. А в автомашине-то оказались снаряды. Раздался такой силы взрыв, что машина разлетелась на куски, танк вышел из строя, все танкодесантники погибли. Почувствовав угрозу окружения, немцы бежали. Наступило затишье. Пленных построили и увели. Приехал наш старшина с полевой кухней. Повариха Галя накормила подразделения вкусной кашей. Командир взвода приказал всем разместиться в сарае на соломе и отдыхать. Кому-то потребовалась вода. Стали решать, кто должен пойти за водой. Выбор пал на меня и моего сверстника, как на самых молодых. Мы взяли по два котелка и пошли к речке. Зачерпнули воду и в это время раздался вдалеке гул, быстро переросший в канонаду. Немцы открыли бешеный огонь из артиллерии и минометов. Мы спрятались под стоящую на берегу бревенчатую баню. После артналета, покинув свое убежище, мы увидели

13

солдата из 2-го отделения с перевязанной рукой. Заикаясь от волнения, он сообщил, что наших накрыло, от сарая ничего не осталось. Мы прибежали в свое расположение и увидели, что полевая кухня, стоявшая возле штаба, теперь лежит вверх колесами на другой стороне дороги, а под ней наша бывшая повариха Галя. Все, кто находился в сарае, тоже погибли. От взвода остались лишь мы вдвоем да солдат с перевязанной рукой. Командиром взвода назначили старшину роты. Прибыло пополнение. И через два дня мы вновь пошли в наступление.

Под Ропшей войска 2-й ударной армии соединились с 42-й армией, после чего Петергофско-Стрельнинская группировка врага перестала существовать. За эти бои наш отдельный батальон получил наименование «Ропшинский». А мне за участие в захвате 403-миллиметровой батареи орудий «Берта», длительное время безнаказанно обстреливавшей Ленинград, вручили медаль «За отвагу».

Из-под Ленинграда 447-й батальон перебросили в подмосковное село Ямкино, где бойцы и командиры днем и ночью тренировались преодолевать водные преграды на примере реки Клязьмы. А ровно через месяц вновь отбыли на фронт в район Лодейного Поля. Здесь Н. Е. Воробьева в 18-летнем возрасте товарищи приняли в Коммунистическую партию. При форсировании реки Свирь и в боях по освобождению Карелии он проявил себя героически уже как коммунист. Дошел до города Питкяранта. Воспоминаниями о том периоде войны он продолжил свой рассказ.

«Меня вызвали к командиру батальона. Комбат широкоплечий, спортивного телосложения, подтянутый, подает мне пакет со словами: «Из штаба пришла вот эта секретная депеша, ты как самый молодой возьми велосипед и доставь депешу командиру ушедшего вперед полка. Ориентируйся по нашим дорожным указателям». Я не стал

13

интересоваться, почему секретный пакет доверяют мне одному без сопровождающего. Запрягал депешу под ремень, взял свое оружие, проверил хорошо ли накачены колеса у велосипеда и поехал. У первой же развилки у меня случилась заминка. На дереве висела табличка со стрелкой и надписью «Хозяйство Иванова». Это то, что мне надо, подумал я. Только вот понять было трудно, стрелка указывает на левую или правую дорогу. Я поехал по правой. Доехал до ручейка, хотел набрать в нем воды, но передумал. Дорога желтой лентой, извиваясь, уходила в гору. Слева и справа – густой лес. Тишина. На вершине горы стояла деревянная триангуляционная вышка. Подъехал к ней. Почва там песчаная. Накануне прошел дождь и на песке отчетливо выделялись три свежих следа чьих-то велосипедных колес. Я не придал этому значения. А потом смотрю, опоры-то вышки подпилены, чуть толкни и вышка упадет. Под опорами же установлены, и даже не замаскированы, мины. Э, думаю, я попал не туда. Равернул свой велосипед и поехал обратно к развилке. Вдруг слышу разговор на

незнакомом языке. Взял автомат наизготовку, укрываясь за деревьями, подошел ближе. И вижу, стоят у дерева два велосипеда, третий чуть в стороне. На дереве висят два автомата. Два финна устраивают на дороге завал и минируют его. Третий финн что-то делает у обочины дороги. Проехать мимо них незамеченным рискованно. И я принимаю решение, что лучший вид обороны – это нападение. Встал за большой камень-валун и из-за него метнул в сторону тех двоих гранату. Выскочил из-за валуна и длинной очередью из автомата обработал место, где только что находились финны. Быстро снял с дерева их автоматы, вскочил на их велосипед и помчался под гору. Доехал до ручья, остановился, чтобы глотнуть чуть-чуть воды. Наклонился к ручью и по спине у меня мурашки забегали. Ручей-то тоже заминированный. Огляделся по сторонам, вижу возле моего велосипеда еще одна плохо замаскированная мина. Как я на нее не наступил, не знаю. Выбрался на дорогу, доехал до развилки с указателем, свернул на левую дорогу и, нажимая на педали, во весь опор понесся в хозяйство Иванова. Вскоре был в расположении своих. Передал пакет. А в пакете оказался приказ обследовать обходную дорогу, то есть ту, на которой я уже побывал. Командир приказал мне следовать с саперами и указать места, где обнаружены мины. Когда мы подошли к завалу, который я обстрелял, то ни живых, ни мертвых там уже никого не было. За выполнение этого задания меня представили к ордену Красной Звезды.

Через несколько дней всех представленных к наградам построили и сообщили, что едем в штаб бригады для награждения. Среди представленных к ордену Красного Знамени значился наш комбат. Он и еще пять человек заняли места в «виллисе», а мы, наиболее молодые, разместились в кузове полупортки. «Виллис» следовал первым, а поскольку после «виллиса» поднималось на дороге облако пыли, наш грузовик немного отстал. Финны же славились большими мастерами устанавливать на дорогах разного рода «сюрпризы». Выкопают ямку на дороге, положат в нее снаряд, присыпят песком, установят на этом месте мину и ее присыпят, а сверху установят еще одну противотанковую мину. Саперы, проходя, обезвреживали мину ту, что находилась сверху, а поскольку противотанковые мины тяжелые, они их не забирали с собой, а оставляли тут же на обочине дороги. Ямки же после мин оставались. Вот в такую ямку и заехал «виллис». Раздался взрыв, когда пыль и дым рассеялись, мы увидели, что от «виллиса» осталась только груда металла. Все, кто в нем находился, погибли, так и не получив своих наград.»

В сентябре 1944 года Н. Е. Воробьева направили учиться в военное училище. Через 6 месяцев, окончив его, уже в звании младшего лейтенанта он снова оказался на фронте. Войну закончил на Одере командиром отдельного взвода 5-го тяжелого понтонно-мостового автополка. После войны продолжал службу в армии. Участвовал в испытании ядерного оружия на Новой Земле. Затем служил в Челябинском гарнизоне. В запас ушел в звании полковника. Сейчас Николай Егорович, ветеран подразделений особого риска, в

14
комитете ветеранов войны и военной службы Курчатковского района возглавляет секцию «Защитники Ленинграда». Является желанным гостем в школах № 15 и 137, где имеются прекрасные музеи боевой славы, созданные при его участии.

НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Галочкин Александр Федорович — городской житель, с детства проявлял интерес к технике и науке, но его всегда манили к себе бескрайние сельские просторы, запах свежеспаханной земли и волнующиеся на ветру, как море, поля спелой пшеницы. Поэтому после окончания учебы в Челябинской школе № 48 он поступил в дружную семью студентов ЧИЭМСХ. А вот учиться в институте ему не пришлось, так как началась война. Враг быстро приближался к Москве. Комсомол института бросил клич: «Родина в опасности!»

А. Ф. Галочкин переоформился на учебу в Златоустовское пехотное училище, в 1942 году окончил его и отбыл на фронт. В боях за освобождение Белоруссии был тяжело ранен и отправлен в тыл. Будучи инвалидом войны, успешно окончил Челябинский механико-машиностроительный институт. Затем работал главным инженером оборонного завода. Участвовал в создании первого в СССР синхрофазотрона по атомной программе в г. Дубна Московской области. На его счету 12 изобретений, за что удостоен знака «Изобретатель СССР». В ноябре 2003 года он как наиболее молодой, родившийся 10 августа 1925 года, участник Великой Отечественной войны был избран председателем Комитета ветеранов войны и военной службы Тракторозаводского районного совета ветеранов. Ниже следуют его фронтовые рассказы.

1. Шинель

«Товарищи офицеры!» — неожиданно прозвучала команда и эхом разнеслась по роще, примыкающей к штабной землянке. Появление заместителя командующего армией застало нас врасплох. Все, побросав папироски, вытянулись по стойке смирно, а я пожалел свой окурочек и аккуратно положил его в карман шинели. Генерал отвлек нас своим рассказом, и я не заметил, как окурочек прожег карман и шинель загорелась, в ней образовалась дыра. А в этот день мы взяли в плен немецкого офицера моего роста. Я забрал у него шинель, перешил на ней пуговицы, прикрепил свои лейтенантские погоны и, как мне казалось, стал выглядеть в трофейной шинели более убедительно. Но на передовой в траншее мне повстречался старик-солдат со снайперской винтовкой и, обращаясь ко мне, сказал:

— Сынок, ты знаешь, что я из Сибири?

— Ну и что? А я с Урала, — ответил я ему.

— Я ведь охотник, белку в глаз бью, — продолжал он.

— Молодец! Так держать!

— Да, но если я замечу, как между деревьями мелькает немецкая шинель, я ведь не промахнусь.

Меня от таких слов словно покорило, и появилось желание выпрыгнуть из этой чужеземной шинели. Ничего не ответив солдату, я возвратился в землянку, привел в порядок свою старую шинель и больше с ней никогда не расставался.

2. Кукла

Мы занимали территорию, которую накануне оставили немцы. Впереди шел молодой солдат, я его хорошо знал, так как учился с ним на первом курсе ЧИЭМСХ, он мне

15

рассказывал, что у него дома осталась трехгодовалая дочь и он очень хотел бы увидеть, какой она стала теперь.

— Ребята, кукла! — вдруг с удивлением закричал он, увидев лежащую на обочине дороги детскую игрушку. Подбежал к ней, схватил ее руками, и тут же сверкнула яркая вспышка, прогремел взрыв и человека не стало. Кукла оказалась заминированной. Такие сюрпризы немцы частенько оставляли после себя. На фронте к смертям привыкаешь быстро, но этот солдат долго стоял у меня перед глазами.

Через несколько дней мы зашли в село. Все дома в нем были сожжены, на месте пожарищ стояли лишь почерневшие от дыма русские печи.

— Командир, молока бы попить. Наверняка в погребах-то что-то есть, — предположил кто-то из бойцов. Мы открыли крышку погреба одного из домов. Я спрыгнул вниз, посветил фонариком, и холодный пот выступил у меня по спине. Слева и справа подозрительные проволочки уходили под ящики. Я вспомнил про злополучную куклу, унесшую жизнь солдата, и сам не знаю, какая сила вытолкнула меня из погреба. Мы отошли на безопасное расстояние и бросили в открытый погреб гранату. Раздался оглушительный взрыв такой

силы, что взрывная волна разбросала нас в разные стороны. Когда пыль осела и дым рассеялся, то на месте, где только что был погреб, зияла огромная воронка.

3. Предательство

В полночь наш самолет пересек линию фронта. В его салоне было темно. Слабый луч лунного света, проникший через иллюминатор, скользил по сосредоточенным, но бодрым лицам моих товарищей-парашютистов. Задача нам всем была ясна, ее детали в строгой секретности тщательно отрабатывались на земле. Предполагался прорыв наших танков в глубь вражеской обороны, а там река Нарва, с высокими обрывистыми берегами. Единственный мост через эту реку мы совместно с партизанами должны были взять под охрану и оберегать его до подхода танков. Стараясь побороть нахлынувшее на меня волнение, я вспоминал свой дом № 14 по улице Ловина в Челябинске и кинотеатр «Пролетарий», располагавшийся в здании нынешней филармонии, в нем демонстрировались изумительные кинофильмы: «Юность Максима», «Выборгская сторона», «Тринадцать» и другие. Это кинофильмы я со своими сверстниками готов был смотреть хоть каждый день.

Мы выросли в большой дружной Стране Советов, были уверены, что товарищ Сталин очистил ее от всех недругов, о возможном предательстве даже не помышляли.

Из кабины летчиков вышел штурман. Открыл дверцу самолета и подал команду: «Пошел!». По инструкции первыми покидали самолет десантники, сидящие у дверцы. Я прыгал последним. Накинул крюк фала на верхнюю штангу, оттолкнулся ногой от крыла самолета и грудью вперед словно провалился в бездну. Мне показалось, что на какое-то мгновение сознание покинуло меня. Но почувствовал резкий рывок, раскрылся купол парашюта, стало необычайно тихо, самолет со своим шумом моторов удалялся на свою территорию. Далеко внизу горели шесть костров – это партизаны указывали нам место приземления. И вдруг вспыхнули в воздухе осветительные ракеты. Стало светло, как днем. На земле засверкали вспышки выстрелов, это кто-то прицельно палил по нам, висящим на лямках парашютов, расстреливая, как мух. Покинувших самолет последними ветер относил в сторону. И это спасло нас. Мы приземлились, когда за рощей уже шел бой. Первое стремление было скорее прийти на помощь товарищам. Но, преодолев лесок, мы увидели на поляне скопление немецкой бронетехники и пехоты. Стало ясно, что немцы для встречи с нами хорошо подготовились. Нас кто-то предал, и операция провалена полностью.

Через две недели мытарств по тылам врага мы, шестеро, оставшихся в живых, грязные и оборванные с тяжелым чувством невыполненного долга, переполненные

16

негодованием и ненавистью к предателям Родины, вышли через линию фронта к своим. Состояние было такое, что если бы мы узнали, кто нас предал, мы расстреляли бы его без суда и следствия. С тех пор прошло много времени, но чувство недоверия к разного рода перебежчикам остается у меня и сегодня.

4. Нейтральная полоса

В середине ночи мы вышли на нейтральную полосу, не принадлежавшую ни нам, ни немцам, но где за каждым бугорком, за каждым кустиком мог притаиться враг. Осторожно ступая, стараясь не шуметь, при каждом подозрительном шорохе вскидывая автоматы наизготовку, мы двигались вперед к вражеским позициям. Там, на стыке двух немецких дивизий, нам предстояло взять «языка». Впереди темной полосой вырисовывалось кукурузное поле, а за ним — деревня. В деревне немцы. Об этом мы знали. Но то, что немцы выдвинулись вперед, устроив несколько блиндажей и огневых точек перед кукурузным полем, для нас оказалось неожиданным. Решили понаблюдать. К рассвету из блиндажа вышел немецкий унтер-офицер и направился в ближайшие кусты, по-видимому, оправить естественные надобности. «Это то, что нам надо», — подумал я. Немца ударили по голове, помогли ему надеть штаны. Но тащить его на свою территорию не рискнули, боясь погони, так как немец тяжелый, далеко с ним не уйти. Решили отсидеться в тылу у немцев в кукурузе

до следующего вечера. «Язык» пришел в себя и стал «буянить», приняв нас за полицаев. Его ударили еще раз. С наступлением темноты двинулись в обратный путь. Пленному связали руки назад, а к его сапогу пристегнули ремень, дернув за который «язык» падал, словно получив подножку. Вышли на нейтральную полосу, не подозревая, что за сутки ситуация здесь изменилась. Разрывая мглу ночи, ударил вражеский пулемет. Начался бой. Слегка приподнявшись, я бросил в сторону пулемета гранату. И в это время словно палкой кто-то сильно ударил меня по ноге выше колена. Резкая боль пронзила ногу. Появилась слабость. Мне перевязали рану. Сознание покинуло меня. Очнулся на дне воронки от снаряда. Вероятно, разведчики положили меня сюда вниз лицом. Кругом гремели выстрелы. Шел бой. «Санитэтэр!» — кричал и стонал поблизости какой-то раненый немец. Ему на помощь, тяжело топя сапогами, прибежал санитар, не обратив на меня никакого внимания. Я вновь потерял сознание. Пришел в себя, когда уже рассвело. Было тихо. Выбравшись из воронки, я увидел раненого солдата, идущего опираясь на винтовку. Вместе с ним, помогая друг другу, мы добрались до своих. В госпитале разведчики нашли меня и рассказали, что «языка» в целости и сохранности доставили по назначению, а потом вернулись на нейтральную полосу, искали меня, но не нашли.

Став после ранения на нейтральной полосе инвалидом, А. Ф. Галочкин не упал духом, упорно работал над собой. Вначале избавился от костылей, а затем и от тросточки. Успешно учился, работал, никогда не менял своих убеждений, оставаясь истинным патриотом своей великой Родины.

МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ

Глебов Вадим Глебович, геолог с пятидесятилетним стажем, кавалер многих боевых наград. В 1943 году двенадцатилетним пареньком он со своим другом Володей Решетовым бежал на фронт, чтобы помочь отцу и старшему брату бить фашистов. После непродолжительного скитания по вокзалам и железнодорожным станциям его зачислили воспитанником 160-го зенитно-артиллерийского полка, в составе которого он дошел до Берлина. 5 апреля 2008 года ему исполнилось 77 лет. Возраст почтенный. Но он продолжал в полную силу работать, а в свободное от работы время с юношеским задором занимался коллекционированием почтовых марок. Показывая свою коллекцию, он рассказывал: «Марки о Великой Отечественной войне я собрал все. На каждой из них

17

запечатлены наиболее памятные мгновения войны. Вот эта марка напоминает мне Висло-Одерскую операцию, в ходе которой при форсировании Вислы я едва-едва уцелел. Происходило это в середине января 1945 года в районе казимежского плацдарма. Противоположный берег в том месте высокий, обрывистый. Весь день эскадрильи советских самолетов бомбили оборону врага, а на закате дня ударила наша артиллерия, 180 стволов на один квадратный километр, это много. От такого удара немцы долго не могли прийти в себя. В 5 часов утра, перед рассветом, мы получили команду: «Вперед!» Множество плавсредств с войсками: понтоны, плоты, амфибии, лодки – почти одновременно отошли от берега. Было еще темно. Вода в Висле казалась черной и напоминала густую кашу в вперемешку со льдом. До середины реки мы прошли благополучно. А потом с противоположного берега взлетела осветительная ракета, и на какое-то мгновение стало светло как днем.

Плот свой мы соорудили из бревен, под бревна подвели металлические бочки. На середине плота стояла 76-миллиметровая пушка, а вокруг, как грибы, сидели мы. Снаряд попал в середину плота. Плот разломился на части, бочки повывлетали из-под него. Пушка наклонилась, сползла в воду и ушла на дно. Я и не понял, как оказался в воде. На мне были яловые немецкие сапоги, ватные брюки, на поясе – боезапас, гранаты, за спиной – вещмешок. И, конечно же, меня сразу потянуло под воду. Но я сумел отстегнуть ремень с грузом, избавиться от вещмешка, и тогда какая-то сила вытолкнула меня на поверхность. Чувствую,

что кто-то тянет меня за ворот. Я вновь оказался на плоту, босяком, потеряв в Висле сапоги и портянки. На меня никто не обращает внимание, спасают других. Плот медленно движется к берегу. Морозец небольшой, градусов пять, но холодно, одежда обледенела. Наконец под днищем плота заскрежетал песок береговой отмели. Я спрыгнул в воду и пошел к берегу. К чести наших командиров, готовивших операцию, было предусмотрено все до мелочей. На берегу уже горели костры, развернулись санпункты и пункты обогрева. Мне дали какие-то огромные сапоги и кружку спирта. Я думал, что это вода, выпил его и не почувствовал, что это спирт. Вокруг суета. Все незнакомые. Далеко в глубине плацдарма идет бой, земля от тяжелых разрывов вздрагивает как живая. От берега к берегу стали ходить катера, возить раненых.

Спирт сделал свое дело, я опьянел, ничего не соображая, встал и пошел куда глаза глядят. Ног под собой не чувствую. И вдруг слышу, кричат: «Вадим! А мы думали, что тебя уже нет». Случайно я вышел к своей батарее. Старшина выдал мне другие сапоги и комбинезон. Удивительно, но после такого купания в Висле у меня даже простого насморка не наблюдалось, никакой простуды и никакого заболевания я не испытал.» Продолжая листать альбом, дойдя до марки с изображением лошадей, В. Г. Глебов необычайно оживился и, сосредоточив на ней внимание, продолжил рассказ: «Вот эта марка напоминает мне первые дни пребывания на фронте. Тогда, в июле 1943 года, командиры, узнав, что я умею обращаться с лошадьми, назначили меня ездовым 76-миллиметрового орудия, которое все еще оставалось на конной тяге. О накале сражений того периода можно судить по такому эпизоду. В разгар боя весь расчет одного из орудий погиб, а командиру орудия оторвало руку. И он один с оторванной рукой продолжал вести огонь по врагу до тех пор, пока не умер от потери крови. Вместе с артиллеристами гибли и их лошади. Особенно от авианалетов, спрятать-то лошадей некуда, пораженные осколками они, бедные, в предсмертных мучениях плакали, как люди. У меня же, чтобы пристрелить раненую лошадь, рука не поднималась. Это было страшно.

Вскоре командир перевел меня в разведку разведчиком-наблюдателем, а потом, когда выяснилось, что я хорошо стреляю, выдали мне снайперскую винтовку австрийского образца, она была намного меньше и легче нашей советской, и определили на должность разведчика-снайпера. При выходе на задание меня назначали в группу прикрытия, так как ночью я видел значительно лучше других, а это качество имело немаловажное значение для снайпера, например при снятии часового в темное время суток. Однажды после

18

форсирования Сиваша в Крыму мне поручили вести наблюдение за противником, позиции немцев оказались поблизости – за большим кукурузным полем с засохшими прошлогодними стеблями кукурузы. Посреди поля на нейтральной полосе стояли два подбитых еще в начале войны танка «БТ». Ночью под одним из них мы вырыли ячейку, землю замаскировали. Связисты установили телефонную связь и, оставив меня одного, отошли в исходное положение. Начался рассвет. Солнце поднималось из-за горизонта позади меня. Осветило траншею противника. Стал оживать стан врага. Над траншеей то в одном месте, то в другом появлялись головы в касках. На бруствере стоял замаскированный пулемет. Я передавал расположение огневых точек по телефону. С наступлением темноты уходил ползком к своим. На исходе третьего дня наблюдения мне дали задание проявить себя в качестве снайпера. Я устроился поудобнее со своей винтовкой и стал ждать. Наконец один оккупант вылез из траншеи и пошел в сторону кустов. Я нажал на спусковой крючок. Немец упал. Не поняв, что произошло, к нему подбежал второй оккупант, я и его уложил. И тут все изменилось. Немцы такой открыли огонь из минометов по танку, что земля застонала. Я лег на дно ячейки, закрыв голову руками, и думал: «Ну все, это конец». Ночью я покидал свое убежище уже не из-под танка, а из-под груды металлолома.

Рано утром началась артподготовка, и наши войска пошли в наступление. Под Армянском меня ранило. Официально у меня два ранения, а неофициально штук двенадцать.

Как-то шли мы по полю с термосами, несли обед на батарею и попали под артиллерийский налет. Залегли. В перерывах между залпами поднимались и короткими перебежками продвигались вперед. Только до сарая добежали – раздался свист и взрыв. Взрывная волна отрывает меня от земли и бросает спиной на стену сарая. Семьдесят заноз тогда из моей спины и ниже вытащили медики без всякого наркоза. Я кричу от боли, а хирурги смеются. Однажды осколок попал мне в висок, кость не пробил, прошел вскольз, срезал веко, и оно упало, закрыв глаз. Кровь и в нос, и в рот попадает, глаз ничего не видит. Ну думаю, глаза нет, отвоевался. Прихожу в медсанбат. Женщина-врач подняла мое веко и спрашивает:

– Что-нибудь видишь?

– Вижу.

– Ну, значит, до свадьбы заживет.

Взяла иголку с ниткой и пришила мне веко на место. – Вадим Глебович перевернул еще одну страницу альбома и продолжил. – А вот на этой марке, стоимостью 5 копеек, изображены ликующие солдаты Красной армии, это картина Н. Н. Баскова «Победа». На ней изображены незабываемые мгновения окончания войны. Я и сейчас эту картину не могу рассматривать без волнения. Незадолго до этого радостного дня мы вели тяжелые бои по ликвидации немецко-фашистской группировки юго-восточнее Берлина, в районе Цоссена, там располагался генеральный штаб Вермахта. Немцы сражались с фанатичным упорством, но 29 апреля начали сдаваться. Нас погрузили в автомашины и повезли в Берлин. В пути я крепко уснул и всю дорогу спал, когда разбудили меня, глаза протер, вижу какие-то большие дома, в основном неразрушенные, улица асфальтированная. Пробыли мы там недолго, вновь прозвучала команда: «По машинам!» – и растянувшись более чем на километр, наша колонна двинулась в Бранденбург, а в пути пришло известие о капитуляции Германии и об окончании войны. Ни стрельбы, ни ракет в честь Победы я, к сожалению, не наблюдал. – В. Г. Глебов закрыл альбом, отложил его в сторону и, улыбнувшись, завершил свой рассказ: – Отец мой был кадровым военным, он с шести лет научил меня стрелять, ездить верхом на коне, заниматься боксом и борьбой, но самого себя я узнал только на фронте, где выяснилось, что я совершенно гражданский человек. Строгая дисциплина оказалась мне не по душе. На фронте меня приняли в комсомол, хотели направить учиться в военную спецшколу, я отказался и со службы уехал с

19. выговором по комсомольской линии, но переполненный чувством гордости, от того что принадлежал к армии победителей и с честью выполнил свой долг перед Родиной.»

После войны В. Г. Глебов окончил Свердловский горный институт и работал в геологических партиях, искал полезные ископаемые на просторах Урала и Сибири. Участвовал в детальной разведке учалинского месторождения меди, медведевского (бишкильского) месторождения талька и др. Затем занимался инженерной геологией, являлся главным геологом Челябинского транспроекта. На вопрос «Какие у него планы и пожелания на ближайшие годы?» Вадим Глебович ответил: «Моей заветной мечтой было стать геологом, и я им стал. А сейчас, достигнув 75-летнего рубежа, мечтаю только об одном, о восстановлении Советского Союза и социалистического строя, которые мы создавали во имя будущего и защищали, не жалея своих жизней. Я верю, что Россия воспрянет духом, СССР и Советская власть возродятся. И это будет самым счастливым мгновением в моей жизни. А почтовая марка, посвященная возрожденному СССР – самой бесценной».

В ЭПОХУ ГРОЗНУЮ

1. На помощь Власову

Участник Великой Отечественной войны А. И. Гридусов родился в 1913 году в деревне Тимофеевка Еткульского района. До выхода на пенсию занимал должность главного бухгалтера Райпрофсожа Челябинского отделения Южно-Уральской железной дороги. «Я почти на животе прополз по всей Европе», — вспоминал он, доставая со шкафа пачку пожелтевших бумаг. Развернул одну из них, на фоне красных знамен красовался портрет И.

В. Сталина, а далее золотыми буквами следовал текст: «Младший сержант Гридусов Алексей Иванович, вам, участнику боев за освобождение города Седлец, за отличные боевые действия приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина объявлена благодарность. Полевая почта 97666. Подпись командира части. И круглая печать с гербом СССР.»

Таких благодарностей у него девять. «Мы понятия не имели, что это будет за война, — продолжал Алексей Иванович, — довели нас до Малой Вишеры, где сразу испытали, что это такое. Из района станции «Мясной бор» наш 641-й стрелковый полк должен был прорвать кольцо окружения и деблокировать 2-ю ударную армию Власова. До нас полегла там уже не одна дивизия. Когда ветер дул с северо-запада, дышать становилось нечем от трупного запаха павших бойцов. Наступать мы должны были на рассвете. Немцы узнали об этом и как трахнут из всех видов оружия... Утром приехала кухня, а завтракать некому.

В течение 22 дней без перерыва противник бомбил наши позиции. Только солнце взойдет — летит армада, выстраивается и на нас. Страшно вспоминать о том, как среди комьев земли, поднятых взрывом, летели клочья человеческих тел. Лежишь в такой момент, вцепившись руками за землю и считаешь: бомба упала слева, вторая — справа, ну, думаешь, сейчас конец. А однажды утром самолеты не появились и наступила подозрительная тишина. Оказалось, что в этот день Власов сдал армию. И наш рубеж превратился в переднюю линию обороны. Мы находились на нем до тех пор пока не соединились с Ленинградским фронтом, А потом пошли вперед, пядь за пядью отвоевая у врага советскую землю.

2. Наступление

Генеральное наступление началось 12 января 1945 года. Накануне немцы через рупор кричали нам: «Рус Иван, мы знаем, что вы завтра пойдете в наступление. Еште больше картошки, а то обратно будете драть голодными». Дело это происходило в Польше, а поляки картошку хранили в поле, закапывая в ямы. Учитывая это, язвили немецкие радиопропагандисты. А драть пришлось не нам, а им. Ровно в 5 часов началась арт-подготовка и длилась 3 часа. На каждый километр фронта приходилось до 300 орудийных

20
стволов. Это много. Кроме того, через наши головы летели реактивные снаряды «Катюш», залпом по 12 штук. Снизу их хорошо было видно, как, поблескивая на солнце и даже обгоняя друг друга, неслись они в стан врага. Тут уж мы не пригибались, смотрели встав во весь рост.

Размолотив первую вражескую траншею, артиллеристы перенесли огонь на вторую, а потом на третью траншеи. Немцы знали эту тактику и при начале обстрела уходили в дальние траншеи, а в момент переноса огня возвращались обратно. Но и наши артиллеристы были «не лыком шиты». Обработав дальние траншеи, они перенесли огонь опять на первую линию. В результате такой артподготовки, когда мы, пехота, пошли в наступление, сопротивление противника почти не встречали. На меня, например, лишь один раз из-за насыпи выскочил немец с пистолетом в руке, но я успел нажать на спусковой крючок первым.

Уцелевшие немцы, страшно напуганные, вымазанные словно сажей, сдавались в плен. Они готовы были питаться одной картошкой, лишь бы только остаться живыми.

2. На Одере

На середине Одера располагался маленький остров. Льда на реке уже не было. Ночью, получив приказ, мы на подручных средствах переправились на остров и заняли оборону. Окопаться было невозможно, чуть копнешь — вода. Мы срезали грунт и устраивали из него перед собой что-то вроде бруствера. А утром все оказались на мушке у противника. Чуть голову высунул — и готов. Долго лежали в своих ячейках промокшими до нитки и медленно замерзающими, боясь пошевелиться, и тем самым привлечь к себе внимание противника.

Наконец, наша артиллерия подавила огневые точки врага, саперы навели понтонную переправу на противоположный берег. Мы добежали до леса. Нас буквально колотило от холода. Развели костер, а согреться не можем, все равно колотит. Вдруг в воздухе появился

немецкий самолет, он тянул за собой на буксире планер. «Это самолет-снаряд, — пояснил майор Привалов и приказал: ложись!» Мы легли на землю. Нас продолжало трясти, как в лихорадке, и мы ничего с собой не могли поделать. Старались прижаться к земле, а земля словно отбрасывала нас от себя.

У переправы планер отсоединился и в пике пошел вниз. Раздался оглушительный взрыв. Но самолет-снаряд промахнулся. Переправа устояла.

4. Часы

На нашем участке фронта 28 апреля 1945 года немцы удирали от Красной Армии на запад, а их там побеспокоили американцы. Поезда встали. Пассажиры высыпали из вагонов и на железнодорожной станции скопилось много людей. Когда мы подошли к вокзалу, увидели, как наши разведчики конфисковывали у немцев часы. Немцы не возражали, все понимали с полуслова, сами снимали или доставали свои часы и складывали их в ведро. Один из разведчиков спрашивает меня:

- У тебя часы есть?

- Нет.

- На, возьми, — и подает мне из ведра карманные и ручные часы.

На другой день в городе я увидел девушку-солдата, регулировщицу движения, с удивительно красивыми часами на руке.

- Махнем не глядя, — предложил я ей. Девушка отказалась.

- Даю за них вот ручные и карманные, — не отставал я. И девушка согласилась.

- А когда мы ехали в машине, майор увидел мою новинку и говорит: «Так это же штамповка». Эх, думаю, я прогадал. Но в штабе меня окружили офицеры:

- Давай меняться.

21

Я, как та девушка, ответил: «Нет, вот если на карманные, то можно». И мне их тут же предложили. Заполучив новые карманные часы, я ни с кем ими уже больше не менялся. После войны приехал в Челябинск и подарил их брату. А у брата эти часы вскоре украли. Часы в то время, не то, что сейчас, были большой редкостью. Их имели немногие, и стоили они очень дорого.

5. Комендатура

Майор Ульянов был начальником штаба полка; а в конце войны стал комендантом города Ронебурга. Он вызвал меня к себе и сказал: «Старшина Гридусов, в городе организовалась комендатура, вы переходите в мое распоряжение, на вас возложена обязанность писаря и бухгалтера». Затем вызвал машину и мы поехали в мэрию. Бургомистра предупредили о приезде коменданта, и он ждал нас вместе с начальником местной полиции. Я впервые увидел тогда немецкого полицейского в форме. Возле него сидел переводчик из числа немцев Поволжья, который в 1917 году сбежал в Германию, заимел там мельницу, но где-то потерял одну ногу. Майор предупредил его о необходимости точного перевода беседы. И поручил бургомистру немедленно издать приказ, запрещающий жителям города появляться на улице после 22 часов. Потом шел разговор о норме выдачи хлеба и обязательной регистрации населением в комендатуре всех видов транспортных средств. Мне поручили осуществлять эту регистрацию.

Утром следующего дня подхожу я к комендатуре, гляжу, вот это дисциплинка, а там уже выстроилась большущая очередь владельцев транспорта, все в аккуратных отутюженных костюмах, в шляпах. А я в застиранной, запачканной глиной гимнастерке, в мятых галифе...

Зашел в кабинет, закурил. Мне дали переводчицу, Милю, она была родом из Одессы, во время оккупации вышла замуж за немца и таким образом оказалась в Германии. Посетители были очень вежливы, заходили, снимали головные уборы, говорили: «Гутен таг» (добрый день). В то время на курево нам давали

немецкие папиросы, слабенькие, слабенькие. К концу дня у меня на столе образовалась полная пепельница окурков. Один немец средних лет внимательно посматривал на окурки, а потом украдкой взял и сложил их к себе в портсигар. Я увидел. Не сказав ни слова, угостил его парой папирос. В ответ немец рассыпался благодарностями, до самой двери он раскланивался, приговаривая данке шен, данке шен (большое спасибо, большое спасибо). А я смотрел на него и думал, как это так случилось, что такие культурные и вежливые люди принесли на нашу землю столько смертей и несчастья.»

В БЛОКАДЕ

После успешной сдачи экзаменов за десятый класс мы прогуливались по аллеям городского парка, делились друг с другом планами на ближайшие месяцы, любовались безоблачным голубым небом и слушали музыку, доносившуюся из репродукторов, размещенных в разных концах парка. Вдруг радиопередачи прекратились, и после непродолжительной паузы было передано важное правительственное сообщение и выступление В. М. Молотова. Так мы узнали о нападении на СССР фашистской Германии и о начавшейся большой войне, перечеркнувшей все наши планы и мечтания.

Меня призвали в Красную Армию в 1942 году и направили на учебу в Ленинск-Кузнецкое пехотно-пулеметное училище средних командиров, но учиться в нем мне пришлось недолго. Училище наше спешно было переформировано в стрелковый полк и брошено на Волховский фронт для прорыва блокады Ленинграда. В августе 1942 года мы приготовились к первому бою, боевого же опыта у большинства из нас не было. Местность там преобладала болотистая, чередующаяся с густым кустарником и редким лесом. Вечером командир роты ставил нам задачу: лесом пройти три-четыре

22

километра, потом по-пластунски преодолеть открытую поляну и штурмом захватить железнодорожную станцию Синявино. «Немцы боятся крика «ура», — пояснил командир, — поэтому кричите сильнее. Захват Синявино будет означать начало прорыва блокады». Комроты не успел изложить нам весь план операции, как неожиданно гитлеровцы, охватив роту с трех сторон, ударили по нам из пулеметов и автоматов. Впечатление было такое, будто свинцовые горошины посыпались на лист железа. Рассредоточившись для стрельбы, мы открыли ответный огонь. Я поймал на мушку двигавшийся между деревьями силуэт фашиста и выстрелил, силуэт исчез. Выстрелил второй раз, третий, нажал на спусковой крючок четвертый раз, но вместо выстрела прозвучал сухой щелчок. Осечка! Патрон застрял в патроннике, а извлечь его оттуда в полевых условиях было невозможно. В это время раздалась команда: «За Родину, за Сталина, вперед!» И дружное «ура» покатилося по синявинским болотам. Поднялся в атаку и я с нестреляющей винтовкой без штыка, превратившейся, по-существу, в обыкновенную палку. Бежал вместе со всеми. Вода хлюпала под ногами. И вдруг совсем рядом увидел немецкого солдата, он вскинул автомат, чтобы расстрелять моего одноклассника Владьку Васильева. Мгновенно, почти интуитивно, я изо всей силы ударил концом ствола винтовки по шее фашиста. Он пошатнулся, но, падая, успел выстрелить и ранил Владьку.

Набежавшие сзади солдаты прикладами добили оккупанта. С крючившимися руками, откинутой головой назад он остался в полулежачем положении на болотной кочке.

— Ефимов, помоги! — сквозь сплошной треск и гул услышал я крик. Это командир отделения из соседней роты, раненный в пах, просил помощи. Я стал перевязывать его. Откуда-то появились санитары, оттолкнули меня, уложили недоперевязанного раненого в лодку-волокушу и поволокли ее по болоту в тыл. Я остался один. В какую сторону, преследуя противника, убежала наша рота — не мог понять. Появились еще двое отставших солдат. Вместе двинулись наугад к лесу. Услышали за деревьями немецкий разговор. Насторожились. Немцы тоже, наверное, услышали или увидели нас и открыли из-за деревьев огонь. Проваливаясь в болотную жижу, мы побежали в противоположную сторону болота.

Преодолели заросли кустарника и неожиданно увидели своего командира взвода с группой солдат. Комвзвода был обрадован нашему появлению, но куда двигаться дальше – тоже не знал. Вечерняя мгла уже окутывала землю. Над болотом появилась синеватая дымка испарений, похожих на туман. Лес впереди стал вырисовываться сплошной черной стеною. Над лесом серебрилась полоска заката. «Хорошо бы найти сухое место и присесть, отдохнуть немного», – подумал я. Но из-за леса послышалось знакомое раскатистое «ура-а!». Это наша рота, обнаружив противника, вновь атаковала его. Наш командир взвода, воспрянув духом, скомандовал: «За мной!». И вскоре мы присоединились к своим.

Стало совсем темно. «Стой! Занять оборону!» — команда, переданная по цепи, застала нас посреди большого болота. Мы с другом, Гошкой Никулиным, выбрали место у коряги, прилегли и уснули, как убитые. Утром проснулись — голова на суше, а ноги в воде. Мой напарник дрожащими руками пытался завернуть сигарку, но не мог. Здесь, в болотной грязи, я нашел наконец-то себе исправную винтовку. Хорошо почистил ее, патронов же к ней давали сколько хочешь. Через день рота повторила атаку, но попала в окружение и обратно из синявинских болот удалось выйти лишь 18 бойцам, я был в их числе. Синявино взять не удалось. Попытка войск Волховского фронта прорвать блокаду в августе–сентябре 1942 года окончилась неудачей. Но своим контрнаступлением мы сорвали готовившийся врагом очередной штурм Ленинграда. Переброшенные для этой цели немцами войска из Крыма оказались перемолотыми в районе Синявино так, что гитлеровцы были вынуждены отказаться от новых наступательных действий, запланированных ранее.

23

В январе 1943 года мы, бывшие курсанты, занимали позиции на этом же направлении. Нас было мало, но стояли в обороне мы крепко. И враг не помышлял наступления на нашем участке фронта. Я к этому времени стал помощником командира взвода. Однажды ночью командир взвода, я и дядя Заплетин — ленинградский ополченец – пошли проверить боевое охранение, наиболее продвинутое вперед к позициям противника. Оно располагалось в приземистой землянке, вход в которую прикрывал маскировочный забор. В землянке в эту ночь несли службу три человека. Дядя Заплетин принес им завтрак, а я – мешок гранат-лимонок. Один из солдат, съев принесенный завтрак, подошел к забору, чтобы повесить на гвоздь свой котелок и, увидев в щель между бревен забора немцев, закричал: «Ребята, рыжие!». Все вмиг вооружились и открыли огонь по противнику. Немцы ответили автоматными очередями и ранили одного из солдат. Я бросал принесенные с собой гранаты в сторону предполагаемого противника. Заговорил из амбразуры землянки станковый пулемет. Немцы, забрав убитых и раненых, отступили, оставив на поле боя два ящика с толом. Вероятно гитлеровцы догадывались о предстоящем новом наступлении Волховского фронта, их лазутчики намеревались этой ночью добыть в землянке «языка» и подорвать ее толом, но мы оказались начеку.

12 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов одновременно перешли в наступление и 18 января встретились в районе рабочих поселков № 5 и 1, пробив во вражеской обороне коридор шириною 8—11 километров вдоль Ладожского озера. Блокада Ленинграда была прорвана». — Закончив рассказ, Анатолий Петрович Ефимов поднялся из-за стола со словами: «Как-нибудь в другой раз я расскажу вам поподробнее о прорыве блокады, а сейчас я иду на заседание ветеранских комиссий, где будет слушаться вопрос о работе среди молодежи. Положение молодежи сегодня нас, ветеранов, очень тревожит, прежде всего, потому, что растет количество тяжких преступлений, совершаемых подростками. Я уж не говорю о детях-наркоманах, употребляющих алкоголь, не посещающих школу, обитающих в подвалах и на вокзалах. Все это на фоне снижающегося в стране уровня рождаемости выглядит удручающе, ведь дети — наше будущее. Ветеранские советы и другие общественные организации стремятся как-то приобщить молодежь к здоровому образу жизни, с ранних лет прививать детям уважение к труду, стремление к знаниям, к

благородным, возвышенным целям. Но телевидение всю нашу работу сводит на нет. И не только по коммерческим каналам пропагандируется насилие, жажда наживы, бездуховность и секс, то же самое демонстрируется по государственным каналам телевидения. А ведь воспитание молодежи — дело государственное. Вот об этом мы и будем говорить на заседании комиссий».

При расширении прорыва Ленинградской блокады А. П. Ефимов получил слепое ранение правой руки, одновременно заболел крупозным воспалением легких. Долго находился в госпитале, боролся за жизнь. В 1943 году инвалидом возвратился в город Миасс, где работал, учился, избирался секретарем ГК КПСС, председателем горисполкома, стал почетным гражданином города Миасса. Награжден восемью орденами, в т. ч. двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны. Ныне является первым заместителем Челябинского областного совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. Несмотря на негативные изменения в стране и антипатриотические поползновения определенной части населения, он остается твердым приверженцем коммунистической идеи, справедливости и советской власти. Его заветной мечтой является дожить до того времени, когда блокада, в которую попала Россия в результате так называемых реформ, будет наконец-то прорвана.

НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

На 2-й отчетно-выборной конференции ветеранов войны, боевых действий и военной службы Челябинской области, на которой присутствовали заместители председателя Российского комитета ветеранов войны и военной службы генерал-полковник А. А. Богданов и генерал-майор И. П. Чуприк-Малиновский, было принято решение предоставить делегатам-участникам Великой Отечественной войны почетные места в первых рядах конференц-зала. Среди фронтовиков выделялся ветеран высокого роста, хорошо сохранивший военную выправку, полковник в отставке А. И. Завьялов, его парадный мундир украшали ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды и множество медалей. Столь высокие боевые награды побудили нас обратиться к нему с просьбой поделиться воспоминаниями о минувшей войне. Он согласился, и после конференции, пройдя по Кировке, мы заняли свободную скамью напротив памятника танкистам-добровольцам, и Александр Ильич начал рассказ:

«В июне 1942 года нас, курсантов 1-го Омского краснознаменного военно-пехотного училища имени Фрунзе, подняли по тревоге и повезли на запад. В Пензенской области из курсантов сформировали 104-й стрелковый полк, и в моей красноармейской книжке появилась запись: «Курсант-автоматчик». Так началась для меня война.

От Камышина походным маршем и только ночью, опасаясь авианалетов, мы шли в направлении города Калач. Через несколько дней похода оказались в километрах пятнадцати от Сталинграда. Днем над ним стояло сплошное облако белого или черного дыма, а ночью город был весь в огне. В районе южнее железнодорожной станции Котлубань мы заняли оборону и столько окопов там нарыли, что невозможно пересчитать. Бывало, только окопаемся, узнаем, что немцы оказались у нас в тылу, приходит приказ отступить. Только на новом месте обустроимся, поступает команда: «Вперед!»

В училище мы достаточно много тренировались рыть для себя стрелковые ячейки по всем правилам военной науки: вначале лежа, потом, углубившись немного, продолжали работу на коленях, а уж потом стоя. После чего бойцы соседних ячеек делали подкопы навстречу друг другу, и получалась траншея. На фронте же все происходило иначе. Ячейки бойцы копали на расстоянии метров 15 друг от друга попарно, длиной около двух метров,

чтобы ночью по очереди было где отдыхать. В темное время суток собирали траву и расстилали ее на дне ячейки. У каждого солдата имелись шинель и плащ-палатка. Одну плащ-палатку использовали в качестве одеяла, другой накрывали окоп сверху, чтобы защитить его от дождя и снега.

Отражать атаки немцев нам помогала артиллерия. Одна из массированных атак врага выглядела наиболее угрожающе. На нас шли танки, за ними пехота. Мы приготовились к бою, расставили гранаты. Пока только редкие очереди пуль поднимали фонтанчики пыли на брустверах окопов, но их становились все больше и больше. По мере приближения противника лязг танков перерос в грохот. Вражеская армада стремительно приближалась, а у нас, 18-летних, еще отсутствовал опыт отражения подобных атак. Возрастало чувство страха и желание куда-нибудь спрятаться или просто бежать. И только поддержка курсантами друг друга и воля комиссара и командиров предотвращали появления паники. Как только, преодолев овраг, танки выкатились на поляну, а поляна была заранее нашими пристреляна, заиграли катюши, и огненный смерч накрыл противника. Когда дым развеялся, выяснилось, что нам, пехоте, уже и делать-то нечего. Танки горели, испуская клубы черного дыма, несколько уцелевших пятились задним ходом, уходили восвояси. После такого удара немцы несколько дней не могли очухаться, а потом вражеская пехота пошла вновь в наступление. Наш комполка поднял стрелковый батальон и роту автоматчиков в контратаку. Противник надвигался на нас стеной, стреляя на ходу. Мы с криком «Ура» бежали ему навстречу и тоже стреляли. Я видел, как редела цепь

25

противника, а то что потери с нашей стороны были не меньшими, узнал только после боя. Когда оставалось метров сорок до столкновения в рукопашной, немцы вдруг развернулись кругом и побежали. Велик был соблазн броситься предследовать врага, но комполка, опасаясь, вероятно, засады, отдал команду незамедлительно отойти на исходные позиции. 26 сентября 1942 года очередная контр-атака началась точно так же. Я бежал рядом с командиром взвода, стреляя короткими очередями из ППШ, и старался кожухом автомата прикрыть область сердца. И вдруг чем-то сильно обожгло мне плечо. Левая рука безжизненно повисла, отказавшись повиноваться. Появился санитар, он переправил меня в овраг, где развернулась санчасть, а оттуда – в госпиталь. После выздоровления меня, как неокончившего училище, направили доучиваться на станцию Кинель в 3-е военное пехотное училище. После краткосрочного обучения в нем присвоили звание сержанта и направили под Белгород в 22-й воздушно-десантный полк, занимавший там третью линию обороны. Когда произошел перелом в Курской битве и началось наступление, мы проходили по прохоровскому полю, которое предстало перед нами гигантским кладбищем военной техники. Там все переплелось в зловещих клубках сгоревшего металла, было трудно разобрать, где наш танк, а где немецкий. Трупы же танкистов вообще опознать было невозможно, они все обгорели одинаково до неузнаваемости.

После освобождения Белгорода немцы отступали на юг и юго-запад, а для того, чтобы сдерживать наступательный прорыв Красной армии, оставляли арьергардные отряды. По этой причине мы долго не могли взять станцию Ахтырка. Вечером командир полка приказал: «Ночью, не дожидаясь артподготовки, во что бы то ни стало взять станцию!»

Перед атакой у нас забрали все лишние вещи, включая фляжки, оставили только «горох» (патроны), автоматы ППШ и гранаты. Рассредоточившись в цепь, мы приблизились к станции, залегли и по-пластунски двинулись к цели. Впереди вскоре стали просматриваться силуэты зданий и остановившиеся на железнодорожных путях паровозы и вагоны. Нигде не было видно ни одного огонька. Единственным источником света служила луна, пытавшаяся пробиться через хмурое облако. Но несмотря на плохую видимость, немцы нас все-таки обнаружили. У них началась стрельба, суета, переполох. И тогда раздалась команда: «Вперед!» С криком «Ура» наша рота поднялась в атаку, ворвалась на станцию. Среди сплошного треска автоматных очередей и разрывов гранат, преследуя противника, я оказался на дороге, ведущей к мосту. Оглянувшись назад и вижу – прямо на меня мчится автомобиль, а в

нем несколько немцев, на заднем сидении сидел в нижнем белье, вероятно крупный чин, застигнутый врасплох. Автомобиль стремился прорваться на мост. Мне деваться было некуда, и я перепрыгнул через ограду правее дороги, а там оказалась яма с нечистотами. Я завяз в ней, и выбраться не могу. Вижу, следом за машиной наши бегут.

– Сашка! – кричу, – помоги!

Автоматчики открыли огонь по автомобилю. Автомобиль остановился. Шофер убит. Сидящий справа гитлеровец – тоже. Подбежавший к автомобилю солдат, не помню его фамилию, он накануне получил известие о гибели всей своей семьи, с остервенением схватил сзади за шею того чиновника, что сидел на заднем сидении и задушил его. Как выяснилось потом, в подвале ахтырского элеватора располагался штаб полка оккупантов.

Стрельба стала постепенно затихать. На востоке горизонт окрасился серебристой полоской восходящего солнца. К утру вся Ахтырка была в наших руках. Я пошел к реке отмываться». А.И. Завьялов улыбнулся и прервал свой рассказ. Мимо нас проследовала группа школьников. Молодая женщина-экскурсовод рассказывала им: «Внимательно взгляните в лицо танкиста, стоящего на пьедестале, он сам для себя построил танк и отбыл на нем на фронт. В боях храбро сражался, войну закончил в Праге. А в канун 60-летия Победы пришел сюда и сел вот на эту скамейку». Школьники окружили скульптурное изображение ветерана войны, разместившегося на соседней с нами

26

скамейке. Положили ему на колени гвоздики. Александр Ильич внимательно наблюдал за школьниками, а когда они ушли, продолжил: «Самым значительным для меня был бой за безымянную высоту в Венгрии. Несколько раз бойцы стрелкового батальона пытались захватить ее, но каждый раз с потерями отходили назад. Высоту, имевшую форму вытянутого полукруга, взять было не так-то просто, немцы хорошо укрепили ее, выкопали траншеи в рост человека, а перед окопами установили спираль бруно из колючей проволоки. Комполка вызывает меня к себе и говорит: «Как хочешь, но к вечеру высота должна быть взята. Ты командир роты автоматчиков, соображай, как это лучше сделать». Изучив внимательно расположение противника, я принял решение брать высоту двумя взводами, а третий придержать в резерве, атаку же начинать со стороны выдвинувшейся вперед части полукруга немецкой обороны, так как сектор обстрела противником здесь резко сужался, а плотность огня врага была наименьшей. Всем своим автоматчикам приказал взять шинели. Наступление начали через кустарник, который преодолели незамеченными. Далее до спирали бруно простиралась открытая поляна. Преодолевая ее броском вперед по простой схеме, первые отделения непрерывным огнем не дают поднять головы противнику, потом огонь открывают вторые отделения, а первые в это время перезаряжают автоматы. Комполка хорошо помогает нам с наблюдательного пункта огнем станкового пулемета. Подбегаем к колючей проволоке, набрасываем на нее шинели, по шинелям перекатываемся на другую сторону и пускаем в ход гранаты. Когда мы ворвались в окопы врага, немцы в панике убегали, одни – влево по траншее, другие – вправо. А траншея-то узкая, кто-то падал, получалась куча мала, ну а нам, автоматчикам, этого только и надо было. Положили мы их там много. Командиру полка по телефону доложил о взятии высоты. Комдив, вероятно, усомнившись в этом, выслал для уточнения обстановки своего заместителя. Я же, увлекшись атакой, продвинулся за пределы траншей. А немцы вышли из леса и заняли свои окопы. Развернувшись на 180 градусов, мы вновь пошли в атаку. Вот где пригодился резервный третий взвод, наступая с тыла одновременно с нами, он обратил противника в бегство. И в это время появляется заместитель комдива и спрашивает меня:

– Ты действительно одной ротой взял высоту?

– Так точно, – отвечаю я, – комполка приказал, а приказ начальника – закон для подчиненного.

Вскоре за этот бой и за захват мотоциклетного завода с вражеской батареей на окраине города Секешфехервар мне вручили орден Красного Знамени, самый почетный орден Красной армии.

Окончание войны я встретил в Австрии. Наступил день, когда комдив приказал всем вымыться в бане, выдали нам новенькие комбинезоны цвета хаки, в мое распоряжение выделили дивизион самоходок в составе одного бронетранспортера и двенадцати СУ-76 из расчета, что в них разместить автоматчиков, и поставили задачу двигаться в сторону провинции Триест, а в указанной деревушке встретить союзников. «Но, – пояснили, – в пути быть готовыми к бою с уходящими на запад власовцами». И мы поехали, сверяя свой путь по карте. Была удивительно солнечная погода, дорога, пролежавшая вдоль берега реки Драва, как змея, извивалась среди гор, покрытых зеленым лесом, поворотов было столько, что гусеницы нагревались до предела. Приходилось останавливаться, обливать гусеницы водой, а затем вновь продолжать поход. Вдруг после очередного поворота мы увидели перед собой хвост отступающей на запад колонны немцев, численностью с дивизию, не меньше, все вооружены, многие из них с фаустпатронами. Что делать? Советуюсь с командиром самоходчиков и отдаю приказ: «Вперед!» Немцы расступаются влево, вправо, давая нам дорогу. Мы доезжаем до первого населенного пункта и отсекаем колонну. Головная ее часть уходит на запад. А вот как поведет себя оставшаяся часть – неизвестно. Риск большой. Вид у немцев неважный: уставшие, запыленные, с полными ранцами за спиной; в тяжелых сапогах они прошагали около сорока километров.

27

С переводчиком поднимаюсь на БТР и кричу: «Война закончилась два дня назад. В плен вас мы брать не собираемся. Приказываю оружие сложить и расходиться по домам». Немцы покорно выполняют приказание. Более часа они сдавали оружие. Когда прошел хвост колонны и площадь опустела, возле деревни выросли огромные кучи оружия.

На незапланированную встречу с колонной ушло много времени. Прибыли в указанное село с опозданием, союзников там нет. Неужели они уже прошли, и где их теперь искать, как выполнить задание комдива? Спрашиваем местных жителей. Отвечают, что никого здесь не было. Наконец из-за крайних сельских строений показалась колонна под английским флагом. Остановилась. Несколько человек отделились от колонны, идут к нам. Мы, несколько командиров, тоже идем к ним навстречу. Прошу своего переводчика перевести англичанам, что я начальник передового отряда Красной армии и направлен для встречи с отрядом союзников.

– Нет, нет, не нужно переводить, – перебивает меня англичанин, – я прекрасно владею русским языком. Мои родители в 1917 году эмигрировали из России в Англию, где я в 1921 году родился, окончил военный колледж, русский язык считаю своим родным.

Поздравляем друг друга с победой. Договариваемся, что мой отряд расположится на одной стороне села, английский отряд – на другой. Хозяина местного ресторана заставили накрыть хороший стол. Прибыли генералы. Англичанин доложил обстановку своему генералу, я – своему. Последнее задание Великой Отечественной войны мной было выполнено. Меня назначили комендантом города Юдендорф, но это уже была послевоенная служба».

Летом 1941 года А. И. Завьялов, окончив три курса Челябинского коммунально-строительного техникума, работал в качестве мастера-стажера на строительстве элеватора. После окончания войны на этот факт обратили внимание командиры и направили на учебу в Военно-промышленную школу МВД, после окончания которой он вновь вернулся к первоначальной профессии созидания, командуя большим коллективом военных строителей, внес значительный вклад в строительство комбината и закрытого города Томск-7. Отслужив в армии 35 лет, он вернулся в Челябинск и еще 16 лет работал в системе гражданской обороны. 22 декабря 2008 года Александру Ильичу Завьялову исполнилось 85 лет. Несмотря на возраст, он активно участвует в работе Калининского районного совета ветеранов, часто встречается с учащимися школ, помогает молодежи разобраться в сложных перипетиях современной жизни, призывает изучать героическое прошлое советского народа, следовать традициям своих отцов и дедов и быть всегда готовыми совершить подвиг.

11 июля 1943 года

Исаков Юрий Максимович родился 7 августа 1924 года. В 1939 году вступил в комсомол. После окончания 7-го класса школы № 27 работал на ЧТЗ токарем. В сентябре 1942 года его призвали в Красную армию и направили учиться в Дважды краснознаменное военное училище, эвакуированное из Ленинграда в г. Березняки, где вскоре избрали секретарем комсомольской организации роты. В училище он получил разносторонние военные знания и был хорошо подготовлен к предстоящим боям. Но выпуск офицеров из училища не состоялся. 15 марта 1943 года всех курсантов срочно перебросили на фронт, присвоив им сержантские звания.

5 июля развернулась ожесточенная битва под Орлом и Белгородом. За 4 дня кровопролитных боев на северном фасе Орловско-Курской дуги, в районе Ольховатка–Поныри, врагу удалось лишь вклиниться в оборону советских войск в полосе всего 10, а в глубину 12 километров. На пятый день сражений, потеряв 42 тысячи солдат и офицеров и 800 танков, гитлеровцы выдохлись, наступать больше не могли и перешли к обороне.

28

Советское командование готовило ответный удар, планируя начать наступательную операцию 12 июля под условным наименованием «Кутузов».

«На передовую, – вспоминал о том периоде сражения Ю. М. Исаков, – мы двигались через село Новосиль. Шли ночью с величайшей скрытностью. Разговаривать, курить не разрешалось, а топот наших ног и другие звуки, издававшиеся от котелков, фляг, саперных лопат, заглушались выстрелами из полевых орудий. 9 июля ночью мы вышли к передовой. И, сменив в траншее бойцов, измотанных в боях подразделений, сами стали готовиться к бою. Проверили готовность своего оружия. Во всех ротах и взводах прошли партийно-комсомольские собрания. Все бойцы и командиры получили индивидуальные перевязочные пакеты и так называемый НЗ – небольшой запас продуктов. После чего, сдав комсомольские билеты, сняв шинели на случай рукопашной схватки с врагом, мы стали ждать команду. 11 июля 1943 года утром после короткой, но мощной артподготовки и авиационных бомбовых ударов по сигналу «Красная ракета» мы покинули траншеи и с криком «Ура!», при поддержке танков, бросились в атаку. Ведя огонь на ходу из винтовок и автоматов, мы были одержимы только одним стремлением быстрее выполнить приказ, захватить переднюю линию обороны врага и закрепиться в ней. А в это время наши траншеи занимали новые свежие подразделения, предназначенные для генерального наступления 12 июля. Противник, занимавший выгодные позиции на высоте, оправившись от артобстрела, открыл по наступающим огонь из всех видов оружия. Автоматные и пулеметные очереди слились с винтовочными и орудийными выстрелами в сплошной треск и гул. Снаряды и мины рвались слева, справа, вспыхивали ослепительными вспышками впереди. Кто-то падал, словно споткнувшись, кто-то пытался встать. Я со своей снайперской винтовкой бежал рядом с командиром взвода, стараясь не отставать от двух наших танков «Т-34». И вдруг я почувствовал сильный удар и ожог в области левого предплечья. Винтовка выпала у меня из рук. Мысль сработала мгновенно – ранен. Укрывшись за хилым бугорком, достал индивидуальный пакет, перевязал рану. И, вероятно, сгоряча не почувствовал боли. Схватил винтовку и вновь вперед. Слышу зов о помощи своего комвзвода. Он получил тяжелое ранение. Вижу – по полю несется перепуганная лошадь, запряженная в телегу, но без ездового. Выбегаю ей навстречу. Кричу: «Тпру-у-у!» Лошадь повернула в мою сторону голову, замедлила бег, перешла на шаг. Здоровой рукой хватаю ее под уздцы и веду к лежащему на земле командиру взвода. Откуда-то появился санитар. Вместе с ним уложили раненого на телегу и доставили в медсанбат. В медсанбате командиру и мне оказали помощь. Руку мою загипсовали, но операцию с извлечением осколка сделали только 7 августа в тыловом госпитале г. Молотова.

Много лет спустя я, листая книгу Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», вдруг увидел фотоснимок и чуть не обомлел от неожиданности. На фотоснимке я узнал себя,

бегущего со снайперской винтовкой рядом с командиром взвода и танком «Т-34». Дремавшие во мне переживания той давней атаки всколыхнули в моей памяти мельчайшие подробности боя 11 июля 1943 года. И я словно вернулся в свою тревожную молодость. Друзья помогли мне перефотографировать этот снимок. И он теперь украшает мой фотоальбом и служит для меня бесценной реликвией.»

После полученного ранения и лечения в госпитале Ю. М. Исаков возвратился в строй. Освоив новую специальность наводчика орудия самоходной артиллерийской установки САУ-76, принимал участие в освобождении Белоруссии, Польши, участвовал в Висло-Одерской операции. За проявленную храбрость был удостоен благодарности Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы» и др. Возвратившись к мирной жизни, окончил Высшую школу профдвижения и много лет работал в Челябинском обкоме профсоюзов. В настоящее время является заместителем председателя городского совета ветеранов бронетанковых и

29
механизированных войск. За активное участие в ветеранском движении и за военно-патриотическую работу среди учащейся молодежи занесен в Книгу почета Челябинского городского комитета ветеранов войны и военной службы. И как всегда, Юрий Максимович является желанным гостем в школьном музее, в создании которого он принимал непосредственное участие.

ПАМЯТЬ О ШТУРМЕ БЕРЛИНА

До войны Евгений Николаевич Козлов учился в школе № 30 г. Челябинска, из своих сверстников выделялся большой приверженностью к спорту, сдал нормативы на значки: ГТО, ПВХО, ГСО, «Ворошиловский стрелок», в 1939 году участвовал на всероссийских лыжных соревнованиях школьников в Архангельске и являлся перспективным учеником тренера — первого челябинского мастера спорта по лыжам М. П. Поносова.

В августе 1941 года, после окончания 10-го класса, Е. Н. Козлова призвали в армию и, учитывая его спортивную квалификацию, назначили инструктором по лыжной подготовке роты 11-й лыжной бригады, формируемой в Кургане, а через полгода его направили учиться в Московский институт физической культуры имени Сталина на военный факультет.

Закончив учебу с двумя кубиками в петлицах, Е. Н. Козлов получил назначение на должность командира взвода курсантов Уфимского пехотного училища. Службу он нес исправно, но рапорт за рапортом посылал по инстанции с просьбой направить его на фронт. И своего добился. В конце 1944 года он прибыл на передовую в состав 66-го стрелкового полка и вместе с ним продолжал путь на запад. Вспоминая о тех, уже далеких, днях, Е. Н. Козлов рассказывал:

«Наступил 1945 год. Заветной мечтой каждого советского солдата оставалось стремление как можно быстрее дойти до Берлина, а когда, наконец, Красная Армия вплотную приблизилась к столице рейха, все почувствовали, что мечта эта реальна и победа близка. Но враг тогда еще не думал о капитуляции, его самолеты постоянно разбрасывали в расположения советских войск листовки примерно такого содержания: «Русские, мы вас специально подпустили к Берлину, чтоб разбить в пух и прах, как вы нас в 1941 году под Москвой. Если хотите сохранить свою жизнь, сдавайтесь в плен, эта листовка будет для вас пропуском и гарантией».

А в наших подразделениях где-то в марте месяце зачитали приказ Сталина об отношении к местному населению Германии, в котором отмечалось, что Красная Армия идет не мстить, а освобождать немецкий народ от фашизма. И напоминалось о возможных последствиях за мародерство и грабежи.

В дни, предшествующие штурму Берлина, многие солдаты и офицеры вступали в члены ВКП(б), подав заявление о приеме в партию и я. Войска, готовые к решающему броску, находились в напряженном ожидании. Наконец 15 апреля пришел приказ о начале штурма, в котором товарищ Сталин ставил задачу взять столицу Германии к 1 мая. Рано утром 16 апреля Красная Армия обрушила всю свою мощь на врага, а 23 апреля бои развернулись уже на улицах Берлина, они не прекращались ни днем, ни ночью. В уличных боях порой в плен гитлеровцев не брали. Да они и не сдавались. А нам просто было не до них, ведь пленным нужно было куда-то определять и кому-то охранять. Учитывая это, комбат давал установку: «Бей их, пока не успели руки поднять!».

В развалинах зданий укрывались фаустники, через оконные проемы с расстояния до ста метров их двухкилограммовые снаряды поражали наши танки. Поэтому пехоте вменялось в обязанности очищать здания от немцев. Часто бывало так, что выбьем гитлеровцев с нижних этажей, они уходят на верхние, очистим верхние этажи, они опять

30

появляются внизу. Нередко взятие дома заканчивалось рукопашной схваткой, только после этого танки продвигались вперед и начиналась зачистка следующего здания. Если встречались опорные вражеские пункты, их уничтожали артиллерией. А иногда на прямую наводку выходила катюша, ее снаряд, создававший температуру до 3000 градусов, уничтожал все живое.

Основные силы наступающих войск стремились к центру города, к рейхстагу. Наша же дивизия двигалась по окраине, охватывая Берлин с юго-западной стороны. Кругом все горело и дымилось. Мы несли большие потери. «Снял» снайпер командира роты. Погиб командир второго взвода – ему осколком оторвало челюсть. Ну а кто будет следующий, мы не думали и упорно двигались вперед. В ночь с 24 на 25 апреля мой взвод форсировал канал Тельтов. При переходе через мост противник встретил нас пулеметным огнем. Несколько человек упали замертво. Мы залегли. Укрыться негде. Соображаю, что делать. Решаю, что наше спасение на том берегу, нужно броском добраться до него. С криком: «За мной!» вскакиваю и, перепрыгивая через убитых, бегу по мосту. Слышу сзади топот ног поднявшихся бойцов. А навстречу нам, прорезая ночную тьму, несутся трассы пуль. Ощущение было такое, будто светящиеся стрелы с шлейфом пламени летят прямо тебе в рот, хотя пули уже прошли мимо. Добегаем до берега, а там проволочное заграждение. Рубим его саперными лопатками, проволока такая, что искры разлетаются в разные стороны...

26 апреля мы вышли к Шпрее, перебрались по фермам взорванного моста на противоположный берег, и во время движения по какому-то парку нас вновь остановил вражеский пулемет. Мы залегли. Я поднес к глазам бинокль. Вдруг раздался щелчок, и из левого глаза струей брызнула кровь. Зажав рану рукой, успел подумать: «Хорошо, что не правый глаз». Стал захлебываться кровью, так как была перебита еще и переносица. Меня подхватили и под огнем противника переправили в медсанбат. В госпитале выяснилось, что осколок величиной со спичечную головку ударился о душку моего бинокля, срикошетил, сместил хрусталик левого глаза, вошел внутрь, под лобовую часть, и там, выше глаза, находится до сих пор. Врач назвал мое ранение удачным и добавил: «Еще бы один миллиметр, и все...».

Моему соседу по палате повезло не меньше. Ему пуля попала в глаз и, изменив направление по кривой, вышла наружу в затылочной части. После боя санитар, посчитав, что у него сквозное ранение в голову и нисколько не сомневаясь, что перед ним труп, взял его за ноги и поволок к яме. «Когда я очнулся, — рассказывал сосед, — увидел солдата, сидевшего на мне. Вероятно, он утомился и решил отдохнуть. Я же не могу ни языком, ни пальцем пошевелить. Усиленно моргаю уцелевшим глазом, показывая, что жив я, мол, жив. Солдат взглянул на меня, да как вдруг вскочет и как побежит прочь...». Слушая этого красноармейца, я подумал: «Он побывал одной ногой на том свете, а держится так достойно. Что ж мне-то унывать. Я непременно вернусь в строй».

Продолжая верить в силу спорта, в силу движений и тренировок, я каждый день по многу раз выполнял специальные упражнения. И в конце концов здоровье мое пошло на поправку. Но зрение не восстанавливалось. А для того, чтобы остаться в строю, нужно было прочитать третью строчку сверху в таблице окулиста. Я же ни одной буквы в ней не видел.

— Да ты возьми и выучи эту строчку наизусть, — посоветовали мне.

Я так и сделал. Получил справку «годен к строевой», 28 июня 1945 года выписался из госпиталя города Львова и, как на крыльях, помчался искать свою часть. Среди развалин Дрездена нашел штаб 1-го Украинского фронта, где в отделе кадров какой-то майор мне объяснил:

— Ваша стрелковая дивизия походным маршем движется из-под Праги в Советский Союз и через два дня будет здесь.

— А нет ли у вас в штабе кого-нибудь из Челябинска? — поинтересовался я.

31

— Да вот Широков вроде бы из Челябинска.

— Димка что ли?

— А сейчас узнаем, — майор куда-то позвонил.

Вскоре открылась дверь и в комнату вошел храбрый с орденами и медалями на груди старший лейтенант Широков, с которым мы в 1934 году заканчивали начальную школу № 12, располагавшуюся в двухэтажном здании из красного кирпича, чудом сохранившемся до настоящего времени на Бульваре Славы. Два дня я гостил у Дмитрия, а потом подошла дивизия, и я вернулся в свою роту, был изумлен и удивлен тем, что живым и здоровым в ней остался один старшина.

Я вновь возглавил взвод и походным маршем по Европе, через Германию и Польшу, зашагал на этот раз домой. Мы делали до 50 километров в сутки, через каждые три дня похода сутки отдыхали. 20 августа переходили государственную границу СССР у Бреста по деревянному мосту через Западный Буг. На противоположном берегу нас встречали с духовым оркестром. Грянувшая вдруг музыка так подействовала на солдат, что они невольно перешли на строевой шаг, мост закачался, как качели. Я кричу: «Идти не в ногу!» Но меня уже никто не слышал. У всех глаза словно остекленели, на лицах вздулись какие-то бугры, и я сам почувствовал, что у меня мороз по коже пошел, и пилотка на голове поднимается. Вышли на берег, прошагали еще метров 800. Остановились. Солдаты старших возрастов опускались на колени и ладонями ощупывают землю, какая она, родная земля.

— Товарищ лейтенант, посиди с нами, покури, — просят они.

В 1946 году Е. Н. Козлов из-за полученного ранения все же был вынужден оставить армию и уйти в запас. В Челябинске он работал в городе инспектором по военно-физической подготовке. Закончил Челябинский пединститут. До выхода на пенсию преподавал историю, был директором школы № 6 и школы-интерната № 12. А в 1994 году его избрали председателем городского комитета ветеранов войны. 9 Мая 2004 года на параде, посвященном Дню Победы, он шел в первой шеренге колонны челябинских фронтовиков в берете, с развернутыми плечами, легко владея строевым шагом. А ему ведь уже 80 лет, 59 из которых он носит в голове осколок от вражеского снаряда, оставшийся ему на память о штурме Берлина.

ВСТРЕЧА

До войны Колунтаевы проживали в Рязанской области, занимались хлебопашеством. Когда началась война, первым ушел на фронт отец — Сергей Иванович. Дрался он отчаянно, под Брянском получил ранение, шесть месяцев пролежал в Алма-Атинском госпитале, затем снова — на передовую, с боями дошел до Кенигсберга, а оттуда 5-ю армию, в которой он служил, неожиданно передислоцировали на Дальний Восток.

Его сына — Николая призвали в армию позднее, 7 ноября 1943 года, и тоже направили на Дальний Восток. После окончания полковой школы под Гродеково Николаю присвоили звание «младший сержант» и назначили на должность командира отделения в только что прибывший с запада стрелковый полк. «В первых числах августа 1945 года всем нам — военнотружущим сделали прививку от чумы, — вспоминал Н. С. Колунтаев, — и 9 августа на полковом комсомольском собрании объявили о предстоящей войне с Японией. Вышел я после собрания на улицу, а наш палаточный городок уже ликвидирован, все солдаты стоят в строю, а мой автомат и вещмешок сиротливо лежат в сторонке под деревом.

Приехал командир дивизии на «бобике» и привез с собой, в качестве наглядного пособия, пленного японца. Поставил его рядом с собой, чтобы все могли видеть, какие

32

они японцы и чем они отличаются от мирных жителей — китайцев. И тоже объявил о начале войны. «Не бойтесь, — говорил комдив, — сила на нашей стороне. Видите какие они маленькие и худосочные», — и показал большим пальцем на пленного. Но тут генерал явно ошибался. Потом в боях мы убедились, что японцы солдаты отменные и драться умеют.

Ночью 9 августа без всякой подготовки мы перешли границу в районе г. Камень-Рыболов и с боями, отвоевывая одну сопку за другой, начали боевой счет, дошли до города Муданьцзяна. Здесь наше движение приостановилось, потому что японцы стали сдаваться в плен целыми частями и наш полк отвели для охраны пленных. Мы огораживали японцев колючей проволокой прямо в их казармах и оборудовали охранные сооружения.

Однажды вызвали меня в канцелярию командира батальона. Я зашел, как положено доложил комбату, стоявшему возле окна, и вижу (я чуть не обомлел от неожиданности) за столом сидит мой отец в погонах ефрейтора.

- Это твой папашка? — спрашивает комбат.

- Мой.

Отец встал из-за стола, подошел ко мне и со словами: «Колюшка, неужели это ты?» — крепко обнял меня и заплакал. Комбат, видя такое дело, выписал мне увольнительную на два часа. Потом отец рассказал, как дал почитать мое письмо своему товарищу, а товарищ посмотрел на обратный адрес и говорит: «Так эта же воинская часть располагается рядом с нами». Отец тут же пошел к нашему КПП и спросил часового: «Ты Колунтаева знаешь?» «Знаю», — ответил часовой и помог связаться с дежурным по части. После чего моя встреча с отцом состоялась. Но встречу нужно было как-то отметить. У меня был в поселке знакомый китаец, через которого мы доставали водку, он когда-то бывал в Хабаровске и немного знал русский язык, за это его солдаты уважали и называли Ваней. Но на этот раз Ваня наотрез отказался помочь, нет водки и все... Пришлось пройти до русского селения, где жили бывшие белоказаки, пришедшие сюда из России в конце гражданской войны. Отец раздобыл у них «чекушку» водки. Мы сели под деревом, разлили, отцу побольше, мне поменьше. А затем сфотографировались у китайского фотографа. Одну фотокарточку отец услал домой. Дома же вся деревня пришла в изумление: «Вот это да, отец с сыном ушли на фронт в разное время, в разные стороны, а встретились на самом краю земли, на Дальнем Востоке. Больше всех радовалась мать. Она радовалась вдвойне: и тому, что мы встретились, и тому, что мы остались живы».

После войны Н. С. Колунтаев приехал в Челябинск и до самой пенсии нес службу в военизированной пожарной части в Металлургическом районе, где и сейчас помнят и уважают его, строгого, подтянутого старшину, бывшего командира передового взвода, не раз приходившего на помощь людям.

ПЕРВЫЙ БОЙ

22 июня 1941 года весь наш десятый класс собрался в школе, чтобы получить аттестаты зрелости и еще раз встретиться всем вместе уже не учениками, а взрослыми людьми. Сидя за

партами, мы беззаботно и радостно делились друг с другом своими планами на ближайшее будущее. Вдруг в класс врывается возбужденная, с широко раскрытыми глазами, всегда медлительная и спокойная тетя Шура — школьная техничка — и тихим голосом говорит: «Ребята, война!». Мы вначале не поняли, о какой войне она говорит, но узнав, что по радио выступает В. М. Молотов, выбежали в коридор к радиопродуктору. После чего жизненные планы у всех нас резко изменились. Я в 18 неполных лет уже был в Красной Армии. Боевую подготовку проходил в течение трех месяцев в 278-м запасном лыжном полку, в учебном батальоне, который в начале января 1942 года был переименован в 253-й отдельный лыжный батальон. К этому времени все

33

мы получили новое зимнее обмундирование, малые саперные лопатки, противогазы, вещмешки, каски и, погрузившись в теплушки — товарные вагоны, оборудованные нарами и печками-буржуйками, выехали на фронт. В Ярославле получили личное оружие и боеприпасы. Через несколько дней прибыли в Подмоскowie. Это был период, когда Красная Армия, разгромив фашистские войска, гнала их на запад. И нам пришлось походным маршем на лыжах догонять передовые части. Накануне на каждый взвод мы получили по несколько фанерных лодок, предназначенных для транспортирования раненых с поля боя. Во время марша мы сложили в эти лодки боеприпасы и снаряжения. Для удобства транспортировки каждая лодка имела ляжки для трех человек впереди и одного сзади, который придерживал лодку при спуске под уклон. Двигались только ночью, так как днем немецкие самолеты гонялись чуть ли не за каждым отдельным человеком.

В районе города Демидова наш батальон был придан 322-й стрелковой дивизии. Учитывая большую подвижность лыжных батальонов в отличие от пехотных подразделений, нас использовали для обходных боевых операций и нападения на врага с тыла и с флангов. В первом бою все складывалось, как на учениях, и даже отдельные пулеметные очереди и редкие орудийные выстрелы нас, вроде бы, не касались. Развернувшись в цепь, наш взвод приближался к опушке леса, а справа по открытому полю наступал другой взвод батальона. И когда он приблизился к одиноко стоявшему полуразвалившемуся сараю, противник открыл по нему огонь. По всему полю начали рваться мины и слышались крики: «Санитар!», «Помогите!». При каждом разрыве мины возникало естественное желание упасть и прижаться к земле. Но мы помнили, как нас учили командиры, что в подобных ситуациях нужно быстрым рывком вперед выходить из-под обстрела и не останавливаться, тем более возле такого удобного ориентира, каким являлся сарай. Однако у нескольких, вероятно плохо обученных, ребят сработал инстинкт защититься под стенами сарая. Тут же один за другим прогремели два сильных взрыва, разметавших сарай в щепки. И оттуда послышался пронзительный, умоляющий о помощи крик: «Мама-а!». Этот предсмертный крик, обращенный к матери за помощью, всю жизнь, как я только начну вспоминать о войне, раздается в моих ушах».

Эти строки взяты из письменных воспоминаний Михаила Степановича Колмогорова, который в апреле 1942 года получил тяжелое ранение и только через шесть месяцев пребывания в госпиталях возвратился в строй. Попасть же вновь в лыжный батальон ему не было суждено. До конца войны он был еще дважды ранен, но дня Победы все-таки дождался и радость победы испытал сполна. После демобилизации из армии приехал в Челябинск, где 35 лет работал в областной конторе Госбанка. В настоящее время сержант в отставке М. С. Колмогоров является активным членом совета ветеранов Уральских лыжных батальонов, организатором и руководителем музея боевой славы в детско-юношеской спортивной школе № 5 г. Челябинска, который посвящен бойцам-лыжникам. Участники ежегодных Всероссийских детских лыжных соревнований на приз совета ветеранов Уральских лыжных батальонов перед выходом на старт всегда посещают музей, отдавая дань памяти беспримерному подвигу их дедов и прадедов.

Г. Е. КОПАНЕВ

Сооружение Челябинского металлургического завода отличалось высоким уровнем специализации строительных и монтажных работ. В предпусковой период до 50 различных организаций работали одновременно на объектах. И каждая из этих организаций имела свои интересы, свои цели. Достичь слаженности в их работе было непросто. Поэтому на помощь руководителям стройки приходили общественные организации. Например, собирался совет профсоюзных организаций строительно-монтажных управлений, участвующих в строительстве, назначался профорг стройки,

34

должность которого многие годы занимал Глеб Евдокимович Копанев — человек энергичный, с большим жизненным опытом, участник Великой Отечественной войны.

О своем участии в войне Г. Е. Копанев вспоминает просто, непринужденно, так, как будто все то, о чем он говорит, происходило совсем недавно:

«Бой длился недолго. Застигнутый врасплох, враг бежал. Наше подразделение заняло село. Было жарко. Ярко светило солнце. Измученные боями и переходами, солдаты располагались на траве в тени деревьев и построек, радовались, каждый по-своему, наступившим минутам отдыха. А я зашел в избу и решил почистить оружие. И только, разобрав, разложил его на столе, как наверху послышались подозрительные шорохи. Из-под карниза вначале посыпалась земля, а потом на пол брякнулся вот такой кинжал... И следом за ним спрыгнул здоровенный детина в форме немецкого ефрейтора.

С криком «Немцы!» я бросился в дверь. Все повскакивали, защелкали затворами: «Где немцы?»»

А следом за мной из избы, испуганно озираясь по сторонам, с поднятыми вверх руками вышел фриц. Остановился у порога и что-то бормотал на своем языке.

Оказалось, что во время боя он спрятался под карнизом, но долго там продержаться не смог и свалился чуть мне не на голову».

Рассказывая об этой истории, Глеб Евдокимович улыбался. Но на фронте он попадал и в такие ситуации, в которых было не до смеху.

«Наша рота, вернее то, что осталось от роты, — рассказывал он, — двигалась через лес. И неожиданно натолкнулась на небольшой немецкий пикет. Разгромив его с ходу, не задерживаясь, рота продолжала марш, а я замешкался...

Пуля прожужжала под самым ухом. Я оглянулся и обомлел: шагах в пятнадцати матерый недобитый фашист стоит на коленях и целится мне в голову. Инстинктивно я отпрянул в сторону и встал за дерево. От осознания, что меня убивают, перехватило дыхание, руки и ноги перестали повиноваться. Вот не могу самого себя заставить пальцем пошевелить, хоть плачь, а он палит и палит в дерево.

Но самообладание вернулось. Пули меня не достают, подумал я, и мне удастся остаться живым только в том случае, если я его убью. Нащупал спусковой крючок автомата, выбрал момент — и сразу после очередного его выстрела выскочил из-за дерева. И... И не промахнулся. Весь черепок ему снес. Подобрал полевую сумку и вывалившийся из его рук парабеллум и — догонять своих.

Командир увидел:

- Ты это где взял?

- Да вот, — говорю, — ихнего офицера подстрелил.

- Молодец! Дай-ка сюда парабеллум, а то в моем нагане всего один патрон остался. А наган, если желаешь, можешь взять себе.

Взял я наган с одним патроном, положил за пазуху и долго носил его там. Так, на всякий случай».

По возрасту Глеб Евдокимович в подразделении был самым молодым. И спустя много лет с большим уважением вспоминал о своих старших товарищах, передававших ему свою науку побеждать:

«Тишина. Холодный ветерок. Луна словно висит на дереве, запутавшись в ветвях. Прижимаемся плотнее к земле. Шагах в восьми от нас враг: окоп, пулемет, два пулеметчика, они стоят к нам спиной, мы видим их каски. Пулеметчики о чем-то беседуют, одного из них мы должны взять живым.

Наконец-то слева, за оврагом, разорвали тишину резкие хлопки. Это Иван Максимович Кунтинин забрасывает гранатами блиндаж. Сразу же рвутся гранаты справа, за кустами, это наши ликвидируют основную огневую точку.

Пора! Командир привстал, стремительно, как тень — лишь кинжал блеснул в лунном свете — метнулся во вражеский окоп. Я за ним. Короткая схватка, опрокидываю пулемет

35

за бруствер, под ногами корчится в агонии один сраженный фашист, а где же другой? Неужели сбежал? Где он? Вот он! Оказывается, в окопе внизу выкопана ниша, он нырнул в нее и, оцепенев от страха, смотрит на нас оттуда. И мне показалось тогда, что глаза в темноте у него светятся. Вытащить из ниши его не удастся, он кричит и упирается руками в стенку. Пришлось прострелить ему руку, стал послушней, но время потеряно. У немцев переполюх, повисли осветительные ракеты.

Добрались до проволочного ограждения, а проход, который мы проделали, пробираясь сюда, найти не можем. Вот ситуация... Но помогли сами же немцы. Они запустили очередную осветительную ракету, и мы увидели проход совсем рядом. Не дав себя обнаружить, ушли скрытно, стараясь как можно быстрее преодолеть нейтральную полосу.

Вскоре вспышки выстрелов с нашего переднего края стали совсем близко, почти рядом. Теперь нас в обиду не дадут, можно передохнуть. Сердце еще колотится так, что кажется, вот-вот выпрыгнет, но уже легче...»

«Добытый нами «язык» дал командованию важные сведения. За эту операцию, — с гордостью сказал Глеб Евдокимович, — меня наградили медалью «За отвагу». — И добавил: — А воевали мы тогда под Витебском»,

СУДЬБА СТАЛИНГРАДЦА

Борис Дмитриевич Косых в 1939 году, после окончания Балашовского летного училища гражданской авиации, был призван в армию, где прошел переподготовку, и войну встретил за штурвалом скоростного бомбардировщика СБ. Это была неплохая машина, способная развивать скорость до 420 километров в час. Но в первые месяцы войны превосходство немцев в воздухе было подавляющим. Под Смоленском его самолет атаковала армада «мессершмиттов» и сбила. Стрелок-радист погиб. А Б. Д. Косых и штурман выбросились с парашютом. Так началась для молодого авиатора война, которую он продолжил в сухопутных войсках и завершил в Берлине. Его грудь украшают орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, медали: «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другие.

«А 50-летие Победы, — с горечью говорил Борис Дмитриевич, — я встретил в слезах. В этот день умерла моя жена, моя верная подруга. И я остался один. Дочь приходит раз в неделю. Профсоюз исчез. С работы, а я отдал много лет своей жизни Челябинскому металлургическому комбинату, работая в отделе снабжения, даже открыточку не пришлют. Родом я из Ленинграда, хотел бы уехать на родину и умереть там. Написал по этому поводу письмо, но ответа уже четыре месяца нет».

Говорить Борису Дмитриевичу было очень нелегко, но он продолжал: «Сталинград представлял кровавое месиво. Дивизии на два часа хватало. Смерть витала всюду. Если бы не Сталинград, нам не одолеть бы немцев. Приказ Сталина «Ни шагу назад!» здорово помог. И немец на Мамаевом кургане застрял. В самом конце Сталинградской битвы к нам в район 564-го разъезда прибыли Г. К. Жуков и член Военного совета Н. С. Хрущев. Всех, кто остался

в живых из нашей 39-й воздушно-десантной дивизии, построили. Г. К. Жуков встал на колени и, обращаясь к строю, сказал: «Спасибо! Вы спасли Сталинград и спасли меня». Он так и сказал: Сталинград и меня.

Если говорить о Сталинграде подробнее, давай начнем с высоты 102, запомни и не перепутай: эта высота позднее стала именоваться Мамаевым курганом. И никто сейчас не знает, и ни один командующий точно не скажет, сколько раз переходила она из рук в руки. Знаешь ли ты, милый мой, что такое рукопашная? Это решительность, отчаяние и дикий страх в глазах. А мы в такие схватки, порой, вступали по нескольку раз в сутки. Однажды ночью получили приказ атаку провести без шума, автоматы не применять, действовать одними кинжалами. И мы пошли в кинжальный бой...»

36

Борис Дмитриевич прервал рассказ, чтоб перевести дыхание. На его лице много повидавшего человека можно было прочесть, что воспоминания об этом бое ему причиняют мучительную боль. И мы решили не перегружать ветерана, отложить разговор на завтра. Но обстановка не позволила продолжить беседу. Состояние здоровья сталинградца ухудшилось, вызвали врача. Старый комбат с Мамаева кургана вступил в еще одну схватку со своим недугом. И очень хотелось, чтобы он вновь победил.

МЕЖДУ ДВУХ ПУЛЬ ПРОСКОЧИЛ

Полковник в отставке Владимир Алексеевич Королев родился в Ярославле в 1921 году. Окончил Смоленское артиллерийское училище и в 1940 году молодым лейтенантом начал военную службу в Западном военном округе. В 20 лет командовал батареей, в 22 – артдивизионом. В первые дни Великой Отечественной войны отбивал атаки фашистов на рубеже реки Березина. Осенью 1941 года в районе Вязьмы вместе с остатками своей дивизии оказался в окружении, несколько раз ходил в атаку на прорыв, но безуспешно. Потом плен. Дерзкий побег. 22 января 1942 года в день своего рождения, выходя из окружения, перешел линию фронта под Волоколамском и снова встал в строй бойцов. Участвовал в Курской битве, в освобождении Украины, Польши, Венгрии, войну законил в 20 километрах от Праги. Много лет спустя он опубликовал очерк «Быть может, правда, повезло?», в котором рассказал о своем боевом пути, написав в начале повествования: «Я считаю, что только те по-настоящему до конца прочувствовали войну, кому довелось воевать с первых дней войны, когда наши войска отступали и отступали. Тогда у многих был надломлен дух. А те, для кого боевые действия начались в сорок третьем, когда совершенно изменился характер войны (мы уже только наступали), не могли прочувствовать трагичности происходящего, всего того, что выпало на нашу долю».

За годы войны В. А. Королев много раз находился на волоске от смерти. Однажды в окружении он оказался в кабине потерпевшего аварию броневика. Обсудив ситуацию с лейтенантом – командиром броневика, было решено дожидаться вечера, сжечь машину и через лес пробираться к своим. Но неожиданно появились немецкие танки.

«Тут – бах! – писал он в своем очерке, – и лампочка погасла. И для меня война будто кончилась: я совершенно оглох. Несколько секунд просидел в абсолютной тишине, потом с трудом открыл дверцу, выбрался из машины. Пополз к окопу, что был рядом. За мной – никого. Я – обратно, думаю, а вдруг кто-то еще живой остался. А из броневика дым валит... Заглянул в открытую дверь – лейтенант как сидел, так и сидит. Только голова его в фуражке лежит у него на коленях. Оторванная... В глубине машины нащупал тела остальных солдат из экипажа. Все были мертвы. А я остался жив, без единой царапины, контузия не в счет.»

Другой случай произошел в районе Любар на Украине, о нем В. А. Королев писал так: «Я посмотрел в бинокль, да уж и без него было видно, что по шоссе в нашу сторону движется колонна немецких танков. Мы вскочили на коней и галопом погнали на перерез, надеясь проскочить. Вдоль шоссе тянулись канавы. Одну из них моя Берта (трофейная была лошадь,

красавица) перескочила, а перед второй уперлась. Я соскочил, тащу ее под уздцы. Танки напозают, грохоча уже рядом. Что делать? Я снова вскочил на Бертю и поскакал по шоссе впереди танков. Мой ординарец Коля скакал параллельно по полю, его добрая российская лошадка все преграды взяла спокойно... Пришпоривая Бертю, я пригнулся к ее шее. Головной танк вел по мне огонь из пулемета, рой трассирующих пуль непрерывно проносился мимо. В голове была одна-единственная мысль: вот сейчас не промажет, попадет в меня или лошадь... И все, раздавит меня танк, как лягушку.

Впереди показался перекресток, я свернул влево и понесся по полю. Немцы за мной не погнались. Только один танк выстрелил вдогонку – даже не снарядом, а бронебойной

37

болванкой... Тут ко мне Коля подоспел: «Товарищ капитан, вы не ранены?» И показывает на мою куртку. Смотрю – на локтях и справа, и слева куски ваты вырваны. Оказывается, я между двух пуль проскочил».

За ратные подвиги Родина наградила В. А. Королева тремя орденами Отечественной войны, двумя Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и др. После войны он окончил Академию тыла и транспорта. А после увольнения в запас, приехал в Челябинск и более 13 лет работал на трубопрокатном заводе, занимая различные инженерно-технические должности. В настоящее время Владимир Алексеевич активно участвует в работе комитета ветеранов войны и военной службы Ленинского района Челябинска, в совете ветеранов артиллерии и Ракетных войск. И, оставаясь верным увлечению своей юности, он продолжает писать стихи. В его поэтическом блокноте есть такие строки:

Мы не тешимся славою громкой.
Нас не мучит тщеславия зуд.
Благодарные наши потомки
Многokратно умножат наш труд.

В этих строках В. А. Королев выразил надежды и чаяния многих и многих ветеранов, уверенных в том, что жизнь ими прожита не напрасно. И рано или поздно справедливость в нашем мире восторжествует

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ВИТАЛИЙ БИАНКИ

Действительный член географического общества Союза ССР и почетный член Уральского орнитологического общества Сергей Борисович Куклин родился 12 марта 1923 года, с отличием окончил Свердловский лесотехнический техникум и с тех пор всю свою жизнь занимается изучением птиц, обитающих на Южном Урале. «Мой дед и отец были страстными охотниками, – вспоминал он, – я же охотником не стал. Охота мне для души ничего не давала, это обыкновенное убийство зверей. Особенно я не мог видеть картину, как раненая, беспомощная птица, борясь за жизнь, старается скрыться в камышах, а охотники палят по ней, не жалея патронов. Наблюдая за такими деяниями, мне часто вспоминались эпизоды войны, в которых я сам не раз оказывался в положении подранка. Однажды, это было в Запорожской области, у Днепра, наша артиллерийская батарея ожидала прибытия пополнения. Встречать новобранцев послали в село Малая Белозерка лейтенанта Барко, а он меня взял с собой в качестве помощника. В Малой Белозерке было всего две улицы. Никто из нас не догадывался, что на чердаке одного из домов села находился вражеский наблюдатель. И как только в село вошли новобранцы, он по радиации вызвал самолеты. Два бомбардировщика «Хейнкель-111» зашли вдоль обеих улиц и сбросили бомбы. Одна из них разорвалась рядом с нашей хатой. Перекрытие и три стены хаты словно ветром сдуло. Возле хаты образовалась огромная воронка, а поднятая взрывом земля рухнула на хату. Три новобранца, сидевшие за столом, так и остались сидеть, засыпанные по грудь землей. Я же, услышав вой падающей бомбы, упал на пол и оказался под кроватью, а лейтенант, отдыхавший на кровати, вскочил и бросился к двери. От обрушившихся обломков кровли и земли кровать прогнулась и

придавила меня к полу. Я звал на помощь, кричал, но меня никто не слышал. И я медленно стал задыхаться. Перед тем, как потерять сознание, мне почему-то ясно представилась мама, провожающая меня на фронт. А потом по рассказам батарейцев я узнал, что прибежавшие к хате солдаты в первую очередь вызволили из завала новобранцев, сидевших за столом.

– А где лейтенант? – спрашивают солдаты.

– Он лежал на кровати, – ответили новобранцы.

Откопали кровать – никого нет.

– А где Куклин?

38

– Я слышал какой-то голос из-под земли, – сообщил подошедший сержант.

Земля под ногами солдат стала осыпаться, и кто-то увидел край моей гимнастерки.

Попытались вытащить меня за ноги. Не получилось. Обкопали и удалили кровать. Вынесли меня на улицу. Сердце мое уже не работало. Но три новобранца со свежими знаниями правил оказания первой помощи пострадавшим стали по очереди делать мне искусственное дыхание. И сердце мое заработало вновь. Когда я очнулся, то увидел, как качаются прямо передо мной серые, мрачные тучи. Понял, меня несут на носилках. Второй раз очнулся среди ночи уже в санбате. Вижу, горит свеча, а рядом лежит раненый, весь забинтованный, сапоги на нем офицерские. Присмотрелся, так это же лейтенант Барко.

– Сергей, ты жив? – спрашивает он.

– Жив, только челюсть сильно болит, – отвечаю.

– А меня вот поцарапало.»

Контузия, полученная С. Б. Куклиным, не прошла бесследно, она и сейчас напоминает о себе. Войну он завершил в должности войскового почтальона, победу встретил в Австрии. Возвратившись с фронта, работал в кыштымском лесхозе, затем в Ильменском заповеднике и в отделе природы Челябинского областного краеведческого музея. В свободное от работы время, вооружившись фотоаппаратом, исходил и объездил почти все уголки Южного Урала. Осторожно, чтобы не тревожить обитателей леса, вел за ними наблюдение, делал записи в дневнике, составлял календарь природы, отлета и прилета птиц, результаты своих исследований публиковал в различных газетах и журналах. С ним делились информацией на тему поведения диких зверей и птиц геологи, охотники, оказывали помощь школьники. Свои наблюдения он продолжал до конца своей жизни, несмотря на то, что ему было более 84 лет. 2007 год, по данным С. Б. Куклина, оказался особенным. «Только 34 вида птиц, по моим подсчетам, – говорил он, – прилетело в район Челябинска с далекого юга, а раньше прилетало до 50 видов. Разгадать же причину такого явления непросто.»

У С. Б. Куклина была большая мечта опубликовать свои записки и рассказы натуралиста отдельной книгой. В 2002 году эта мечта осуществилась, при помощи, оказанной ректором ЧГПУ В. В. Латюшиным, вышла в свет книга Сергея Куклина «Среди природы». Эта книга существенно дополняет знаменитую «Лесную газету» Виталия Бианки, рассказывая об удивительных эпизодах из жизни обитателей лесов Урала. Читая ее, невольно переносишься из городской суеты на природу, где таинственную тишину леса нарушают лишь причудливое пение птиц, шум ветра в ветвях деревьев да хруст валежника под ногами. А в просвете между качающимися на ветру вековыми соснами просматривается голубое небо, серебристые скалы, венчающие вершины гор, и Сергей Борисович Куклин, шагающий по лесу с блокнотом в руках и фоторужьем за плечами.

СЕРЖАНТ КУКУШКИН

День 7 мая 2004 года выдался солнечным и ясным, на деревьях уже распускались листья, всюду чувствовалось приближение лета. Мы сидели в сквере напротив театра оперы и балета и вспоминали о военном времени. «В 30-е годы на месте этого сквера было трамвайное кольцо и много торговых киосков, — рассказывал Николай Константинович Кукушкин, а вон там, — он показал рукой на здание филармонии, — располагался кинотеатр. Мы с ребятами

часто приезжали сюда. В 1942 году я учился в десятом классе города Пласта. 20 января приходит к нам в класс секретарь Кочкарского РК ВЛКСМ А. М. Кузнецова и говорит: «Ребята, в Челябинске из комсомольцев-добровольцев формируется парашютно-десантная бригада, кто желает служить в ней?». Мы, 13 одноклассников, записались в эту бригаду и через два дня были в Челябинске. На перевалочном пункте нас хорошо накормили в специальной столовой, предназначенной для военнослужащих,

39

проезжающих на фронт из районов Сибири и Дальнего Востока. А на другой день наш эшелон взял курс на запад. В Подмоскowie, близ селения Раменское, мы приняли присягу и впервые встретились со своим комбригом. Он разъяснял нам, что десантники — это личный резерв товарища Сталина и нужно этим гордиться.

Меня направили в полковую школу младших командиров. Возглавлял эту школу командир с двумя куборями в петлицах и орденом Красного Знамени на груди. По утрам вместо физзарядки, не взирая на погоду, мы делали пробежки, начальник школы впереди, мы — за ним, 5 километров туда, 5 — обратно и никаких разговоров. Старшиною в школе был опытный десантник, окончивший Челябинский аэроклуб, Федор Синебрюков, высокого роста, крепкого телосложения, он не раз десантировался к немцам в тыл и имел медаль «За отвагу». Нас тоже готовили для выполнения спецзаданий в тылу врага. Вначале учили прыгать с парашютом с вышки, потом — из корзины аэростата, а потом — из самолета. Но ситуация изменилась и нас бросили под Сталинград.

В район Калача — на Дону мы прибыли ночью, окопались на высоте и приготовились к первому бою. Утром послышался гул приближающихся немецких танков. Они шли клином, их было штук десять. Через наши головы открыли огонь по танкам 45-миллиметровые пушки. Один танк шел в направлении нашего окопа, а у нас — ни одной противотанковой гранаты. Было жутко, но настоящий страх я испытал немного позже, когда до танка оставалось метров 50. Мы четвером, выполняя приказ командира, взяли заранее приготовленные связки ручных гранат, по три гранаты в каждой, и ползком выдвинулись вперед, укрылись за большие камни-валуны и стали ждать. Все это происходило довольно быстро, а мне казалось что время остановилось. От волнения охватила дрожь и появилась слабость в руках и ногах. Больше всего я боялся, а вдруг не доброшу связку. В то время мы уже знали, что у немецких танков сзади располагается бак с горючим, поэтому договорились: двое бросают гранаты под гусеницы, а двое — на бак с горючим. И как только танк приблизился, мы почти одновременно с двух сторон метнули в него свои гранаты. Перебили танку гусеницы и он загорелся. Но на соседнем участке танки все-таки прорвались и начали утюжить наши окопы. Батарея усилила огонь и подбила еще несколько машин. Встретив такое яростное сопротивление, враг отступил. Смолкли звуки боя. Мы похоронили убитых, и отошли к Дону. Правый берег Дона высокий, левый — пологий, и все переправы через Дон разбиты. Поступила команда переправляться на противоположный берег кто как сможет. Мы спустились с крутого берега к реке, там вдоль воды рос кустарник. Старшина приказал искать бревна и делать плоты, красноармейские книжки, партийные и комсомольские билеты привязать платками ко лбу. Ночью мы начали переправу. Вначале все шло благополучно. Но когда вышли из тени высокого берега на освещенный лунным светом участок реки, немцы обнаружили нас и открыли огонь. Старшина приказал спуститься в воду и плыть, держась одной рукой за плоты. Мой плот перевернулся, я не удержал его и плот понесло по течению. Мне ничего не оставалось как добираться до берега самостоятельно, а сил уже не оставалось. Я пытался плыть и на боку, и на спине. Окончательно выбился из сил. Стал захлебываться. Увидел перед глазами большой желтый круг луны и, отчаянно закричав, пошел под воду. Чувствую, что кто-то схватил меня за подбородок и потянул наверх. Это был старшина, высокого роста, он уже стоял ногами на дне, вода ему доходила до плеч, а меня скрывала с головой. Точно также старшина спас еще двух солдат.

Всех, кто достиг противоположного берега, построили и объявили, что теперь наше подразделение входит в армию Чуйкова. 25 сентября мы дрались на подступах к

Сталинградскому тракторному заводу. Получили приказ контратаковать противника. С автоматом в руках, в каске, с вещмешком за спиной, поднявшись во весь рост, я бежал вместе со всеми. Видел как впереди три немца ведут по мне огонь. Я тоже на ходу стрелял в них. И вдруг справа, немного сзади разорвалась не то граната, не то мина. Неведомая сила швырнула меня на землю. Осколок разворотил мне верхнюю часть бедра. Сапог

40

правой ноги наполнился кровью. А потом, как в тумане, я помню медсанбат в подвале разрушенного дома, где раненые кричали от боли, потому что им делали операции без обезболивающих лекарств. Я тоже думал, что мне отнимут ногу. Но неожиданно всех раненых стали на носилках выносить на улицу и складывать как дрова на телегу. Потом на пароходе «Красный Октябрь» из горящего и дымящего города нас перевозили на другой берег Волги. Немецкие самолеты пытались бомбить пароход, но сопровождающие его два зенитных катера отогнали стервятников. И вскоре я оказался почти дома в челябинском госпитале, где врачи сделали операцию, удалили осколок весом 87 граммов и вручили его мне на память.

После выздоровления мне выдали вместо сапог ботинки с обмотками, брезентовый ремень и вновь направили на фронт в 184-ю Духовщинскую стрелковую дивизию. Там я через некоторое время стал сержантом, помощником командира взвода и секретарем комсомольской организации роты. Летом 1943 года произошел со мной такой случай. Наши подразделения подготовились к бою. Поступил приказ атаковать противника и прорвать его оборону. Огонь же враг вел такой плотный, что только голову высунешь из траншеи, тут же возле уха начинают жужжать пули. Я выгляну из окопа, посмотрю и опять спрячусь. Слышу, командир роты, находившийся сзади, кричит:

— Комсорг, сукин ты сын, немедленно поднимай людей в атаку, иначе расстреляю!

Приказ командира — закон. Вылезаю на бровку. Ноги как чугунные. Думаю, ну сейчас первая пуля будет моя. И пересилив страх, подняв автомат вверх, не своим голосом кричу: «Братцы, за Родину, за Сталина, вперед!» В этой атаке мне вновь удалось выжить. А вообще в моем отделении было восемь человек, и у нас утвердилась своя тактика. Один человек поднимается и короткими перебежками идет вперед, а все остальные поддерживают его огнем. Потом поднимается второй, а все остальные его прикрывают и так далее. Таким образом нам удавалось снижать потери».

В это время раздались звуки духового оркестра. Это армейские музыканты, построившись на ступеньках театра, бравурными маршами встречали ветеранов Великой Отечественной войны, прибывающих на прием по случаю 59-й годовщины Победы, который проводил глава города В. М. Тарасов. Н. К. Кукушкин тоже заспешил на прием к мэру, не успев рассказать о своем участии в освобождении Смоленска, Белоруссии и в боях в Восточной Пруссии, где он в середине ноября 1944 года был ранен четвертый раз по счету. Вновь оказался в госпитале. И на этом его война закончилась. В октябре 1945 года он возвратился на родину. Пришел вставать на учет в Пластовский, в то время называвшийся Кочкарским, РК ВКП(б) и встретил там А. Н. Кузнецову, ту самую, которая будучи секретарем комсомольской организации направляла его с ребятами на фронт. От нее узнал, что из тринадцати, ушедших в десантную бригаду одноклассников, обратно вернулись только двое.

В г. Пласте Н. К. Кукушкин работал инструктором, затем секретарем РК ВЛКСМ. Заочно окончил педагогический институт. Вновь был призван в армию. Служил в должности замполита командира батареи, впоследствии его перевели во внутренние войска, где он дослужился до звания майора, в 1975 году уволился в запас. Приехал в Челябинск и 25 лет без перерыва возглавлял Ленинский районный совет ветеранов войны, труда и Вооруженных сил и правоохранительных органов.

В настоящее время подполковник в отставке Н. К. Кукушкин является председателем комиссии по военно-патриотическому воспитанию этого совета. Несмотря на восьмидесятилетний возраст, он не сидит сложа руки. Под его руководством в 2003 и в 2004

годах проведено в школах и профессиональных училищах района 12 научно-практических конференций на тему: «Историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне». Таким образом, он способствует ликвидации появившихся за годы перестройки новых белых пятен в истории нашей страны. За что благодарны ему и учащиеся, и педагоги.

41

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

При подходе к станции паровоз замедлил ход, последний раз подал пронзительный гудок, окутался густым паром и остановился. Сразу же на перрон из вагонов воинского эшелона стали выпрыгивать молодые ребята призывники, прибывшие с Урала. Они строились в колонны и походным маршем уходили в сторону учебного воинского подразделения, располагавшегося близ города Энгельса, где всего за три месяца им предстояло не только изучить секреты воинского мастерства, овладеть приемами рукопашного боя, освоить современное оружие, но еще научиться прыгать с парашютом. В одной из колонн бодро шагал семнадцатилетний комсомолец, фрезеровщик Челябинского завода № 541, будущий Почетный гражданин города Челябинска и Челябинской области Евгений Федорович Куракин. Тогда же, в 1943-м году он был рядовым красноармейцем, добровольно ушедшим на фронт, и вскоре принявшем присягу до последней капли крови защищать свое Социалистическое Отечество.

Начло 1943 года ознаменовалось блестящей победой Красной Армии под Сталинградом, прорывом блокады Ленинграда, освобождением городов Воронежа, Курска, Ржева и Вязьмы. Все это поднимало моральный дух молодых десантников, побуждало их настойчиво осваивать военное дело. Занятия в учебном подразделении ВДВ проводились по уплотненной программе, в которой все было важным для солдата, но самым главным, бесспорно, оставались прыжки с парашютом. О своем первом прыжке из-за облачных далей Евгений Федорович рассказывал:

«Накануне, перед первым прыжком, мы, курсанты, сами для себя укладывали парашюты. Я во время укладки старался делать все так, как нас учили. Но почему-то из уложенного мною парашюта остались торчать части стропов. Я доложил об этом инструктору. Инструктор, не говоря ни слова, взял линейку и затолкал стропы в парашют. Я же всю ночь не мог уснуть, думал: «А вдруг из-за этого казуса со стропами мой парашют не раскроется». В самолете нас новичков было человек двенадцать. По команде инструктора курсанты без задержки, продвигаясь к люку, один за другим покидали самолет. Я прыгал пятым. Подошел к люку и, не успев взглянуть вниз и испугаться высоты, от легкого толчка инструктора в спину, полетел в бездну. До раскрытия парашюта необходимо несколько секунд. Мне же казалось, что я улетаю в вечность и мой парашют не раскрылся. Но вдруг почувствовал сильный рывок, увидел, как внизу подо мною закачалась земля. Парашют раскрылся. И вновь жизнь заулыбалась мне и стала еще прекрасней».

Но пройти до конца курсы десантника Е.Ф. Куракину не довелось. После четвертого прыжка с парашютом всех курсантов перебросили в Подмоскowie, где дислоцировались воздушно-десантные армии, и через некоторое время зачитали приказ о расформировании соединений ВДВ. Е.Ф. Куракина направили учиться в Львовское пехотное училище, эвакуированное в Киров, и для молодого уральца началась новая курсантская жизнь, не менее напряженная, чем в ВДВ. Теоретические занятия в училище чередовались с практическими. Курсанты отрабатывали штыковые удары стаккато, Метали учебные гранаты. На скорость разбирали и собирали все виды стрелкового оружия. И уже тогда курсант Е.Ф. Куракин проявил равнодушие к пулемету системы «Максим». Наверное, потому, что в начале войны он несколько раз смотрел в челябинском кинотеатре МЮД кинофильм «Тринадцать», в котором артист Лев Свердлин, игравший роль пулеметчика, отразил все атаки басмачей и добился победы. На высоком уровне в училище проходили политзанятия. Курсанты изучали

политическую историю, военную педагогику, основы Марксизма-Ленинизма и могли проводить беседы с бойцами на любую тему. За год учебы они сдружились друг с другом. А в день выпуска из училища, уже младшими лейтенантами, по предложению своего комсорга договорились обязательно встретиться

42

всем вместе после победы. На другой день курсанты разъехались по разным воинским частям, Е.Ф. Куракина попал в офицерский полк командирского резерва, дислоцированный в Львове. Рядовыми солдатами этого полка были молодые лейтенанты. Е.Ф. Куракину досталась должность пулеметчика.

В Львове, только что освобожденном Красной Армией, было не спокойно. По ночам здесь гремели выстрелы. Бандформирования нападали на советские учреждения, покушались на жизнь советских солдат и командиров. Находясь вдали от линии фронта, полк нес потери. «Нам все чаще приходилось хоронить своих товарищей, погибших от пуль бандитов,- продолжал рассказ Е.Ф. Куракин,- ненависть к бандитам буквально кипела в каждом из нас. И вот однажды ночью нашу роту подняли по тревоге. Мы погрузились в кузова «студорей». Ехали долго. Далеко за городом разгрузились на опушке леса. Метров в двухстах просматривались силуэты домов какого-то селения. Поступила команда окопаться и приготовиться к бою, возможная цель – село. Я, не торопясь по всем правилам, как учили нас в училище, установил пулемет и аккуратно настроил прицел. Приготовились к бою и все мои товарищи. Никто ничем не нарушал тишину опустившейся на землю ночи. На небосводе между медленно проплывающих облаков пыталась пробиться луна. Ждали долго. И уже подумывали, не пора ли возвращаться обратно. И вдруг, ба-бах, раздались хлопки разрывающихся гранат. На окраине села загорелись две хаты. Пожары осветили прилегающую к домам поляну. И мы увидели, как на нее вышел большой отряд вооруженных бандитов. Командир скомандовал: «Огонь!». Взяв на мушку впереди идущего главаря, я нажал на гашетку. Пулемет заработал. Открыли огонь остальные наши бойцы. Бандиты заметались по поляне, но поляна-то ровная, деваться им было некуда. А у нас приказ: «Патронов не жалеть!». За десяток минут все было кончено. Большая желтая луна наконец-то выбралась из-за облаков и осветила своим призрачным светом догорающие хаты селения и поляну, усеянную трупами бандитов. Так мы ответили бандеровцам за смерть своих друзей и товарищей».

Евгений Федорович немного помолчал, на лице его появились следы переживаний от нахлынувших воспоминаний, а потом продолжал: «Да, для любого солдата самым памятным фронтовым эпизодом, конечно же, является момент его ранения и борьбы за жизнь. У меня это случилось в Польше во время Висло-Одерской операции 14 января 1945 года. Я, как сейчас помню, наш замполит выскочил на бровку и, подняв руку с пистолетом, призвал за собой. Он что-то кричал, но разобрать его слова среди грохота артиллерии и воя реактивных снарядов катюш разобрать было невозможно. За ним последовали все стрелковые роты. Я бежал со своим взводом, и только одна мысль терзала меня, скорее преодолеть замерзшую речушку Пилицу, захватить высоту и закрепиться на ней. Чем скорее мы выполним это задание, тем меньше будем иметь потерь. Но неожиданно меня ударило чем-то по ноге. Правая нога моя подкосилась, перестала слушаться и я упал. Возле меня появились помкомвзвода и командир роты. Мне перевязал рану, сказали: «Лежи здесь, санитары тебя подберут»,- и все убежали вперед. Я же почувствовал и в левом сапоге у меня что-то хлопает, левая нога в крови почти до бедра. Оказалось, что у меня перебиты обе ноги. И я решил ползти в тыл, где уже залегли цепи бойцов второго эшелона, готовые нас сменить. Хотя и происходило это зимой, но снег таял и был вперемешку с грязью. Отталкиваясь локтями о землю, я медленно продвигался, оставляя на снегу следы крови. Старался как можно ближе подползти до своих, пока не покинуло меня сознание. Мне казалось тогда, что ползу я уже часов десять. Наконец увидел, как мимо меня пробежал какой-то связист с катушкой телефонного кабеля.

Значит второй эшелон уже недалеко, подумал я. И вдруг, словно во сне, слышу голос комсорга нашего училища:

43

- «Женька, это ты?»

Я поднял голову, да это был он.

- Ну, вот мы и встретились, не дождавшись победы,- с трудом ответил я.

Комсорг подогнал двуколку, в ней лежал раненый капитан. Меня уложили рядом с ним. У капитана была разбита грудь, он тяжело дышал. Нас привезли в медсанбат. Санитары подошли к капитану, осмотрели его и сделали свое заключение: «Этот уже готов». Меня же перенесли в палатку и положили на солому. На улице сильных болей я не чувствовал. А в палатке, где топилась буржуйка, боли настолько усилились, что я застонал, не зная, куда себя деть. Ко мне подошел санитар:

- Подожди, браток, сейчас я тебе принесу.

Он принес полкружки спирта. Я выпил спирт. И Жизнь снова заулыбалась мне».

После войны Е.Ф. Куракин окончил ЧИМЭСХ. Избирался секретарем Советского РК ВЛКСМ г. Участвовал в освоении целинных земель. Возглавлял совхоз «Новый Урал» в Варненском районе. В 1963 году был избран секретарем Челябинского сельского ОК КПСС. С 1968 по 1973 годы работал заведующим сектором сельского отдела ЦК КПСС. Затем вернулся в Челябинск и 15 лет подряд избирался председателем облисполкома. А с 1991 года возглавил и возглавляет до настоящего времени Челябинский городской совет ветеранов войны, труда Вооруженных Сил и правоохранительных органов, является членом президиума областного совета ветеранов, Почетным ветераном Челябинской области. Однажды с челябинской делегацией он побывал в Польской Народной республике. И, конечно же, не смог удержаться от того, чтобы не посетить берега реки Пилица, где во время войны держал оборону 89-й полк 23 дивизии, в котором он девятнадцатилетним лейтенантом командовал стрелковым взводом. Современная Пилица удивила его своей малой выразительностью, она казалась теперь совсем неширокой. Ее берега, когда-то изрезанные, траншеями, ходами сообщения и воронками от снарядов, теперь заросли густой травой и кустарником, нигде не осталось никаких следов, прошедшей войны. В траве мирно стрекотали кузнечики. Разноцветная бабочка покачивалась на белых лепестках ромашки. Трудно было представить, что здесь когда-то гремели бои и сокрушающей лавиной прокатились на запад войска Красной Армии.

«Время стерло раны, нанесенные матушке земле войной, но невозможно стереть их из памяти поколения людей, переживших войну»,- подумал Е.Ф. Куракин, покидая берега Пилицы, где в бою 1945 года едва, едва не оборвалась его жизнь.

21 октября 2009 года Е.Ф. Куракин выступал с докладом на очередной отчетно-выборной конференции Челябинской городской ветеранской организации, на которой рассказал о пройденном ветеранами пути и наметил новые планы на будущее. Ветераны города вновь избрали его своим председателем.

ЗА РОДИНУ

Справа, где работала артиллерия, над лесом словно вспышки молний, слившиеся в сплошное багровое зарево, покрывали горизонт. Слева горело какое-то селение. Воздух как будто гудел и был наполнен стальными «жуками», которые разили все живое. Один за другим выходили из строя бойцы. К полудню по цепи разнеслась весть о том, что убит командир батальона. Он лежал посреди траншеи, как живой, с большими руками сельского труженика, с закопченным, спокойным лицом. На выражение скорби и сожалений времени не было. Комполка приказал лейтенанту Лабырину принять командование батальоном и 700 бойцов, повинаясь воле нового комбата, пошли вперед...

На обоих флангах враг продвинулся далеко на восток, и лишь в районе Великих Лук и Полоцка красноармейцы держали оборону и сами переходили в контратаки, отбивали

населенные пункты, но под давлением врага вновь оставляли их. В одном из таких боев лейтенант Лабырин почувствовал сильный толчок и резкую боль, а очнулся уже в госпитале в Кургане, в городе, из которого совсем недавно, после окончания полкового

44

училища, он уходил на фронт. «Пулевое ранение позвоночника», — такое определение сделали врачи. Подобные ранения не проходят бесследно. «Я и сейчас, если мне нужно что-то поднять с пола, вначале встаю на колени, — рассказывает Виктор Тимофеевич Лабырин, — конечно, врачи готовили меня к списанию, но я молодой был, отец у меня погиб под Москвой, два брата воевали, позднее тоже погибли, две сестры погибли при бомбежке санитарного поезда. Так что я не мог себя представить сидящим в тылу и поэтому скрыл свой недуг. Меня направили на формирование в Челябинск, в красные казармы, и зачислили в лыжный батальон, приданный танковой части, стоявшей за железнодорожным вокзалом. Каждый день, прикрепив к валенкам ремнями лыжи, мы под руководством опытного тренера учились ходить по снегу, скатываться с гор, овладевали секретами лыжного спорта. Но на фронте в первых же боях лыжи мы все свои переломали, побросали и превратились в обыкновенную пехоту. Местность на нашем пути оказалась болотистой. Зима, снег, а под снегом вода.

Шли впереди основных сил, проводили разведку боем, резали колючую проволоку, разминировали проходы, обезвреживали самые коварные мины-лягушки, которые при срабатывании вначале «подпрыгивали» на высоту до 2-х метров и только тогда взрывались. Почти до автоматизма отработали приемы уничтожения огневых точек: заходили к доту с тыла, одни бойцы брали на прицел вход в него, другие поднимались на дот, закрывали фуфайкой амбразуру и через дымовую трубу или прямо через амбразуру гранатами глушили немца. За один заглушённый таким образом дот мне вручили орден Красной Звезды.

Удивительно, но второе мое прибытие на фронт состоялось в тот же район, где я получил первое ранение. Только тогда мы отступали, а теперь шли вперед, освобождали Великие Луки, Полоцк, Невель. Сейчас по телевидению и радио нередко можно услышать о том, что на фронте мол бойцы «За Родину, за Сталина!» никогда и не кричали, что это выдумка. И говорят-то это, вроде бы, участники войны. Они или в атаку никогда не ходили, или просто кривят душой. Слова «За Родину, за Сталина! Ура!» — это был святой воинский клич красноармейцев, равнозначный команде «Вперед!». Конечно, он звучал не всегда и не везде, но этими словами начиналась каждая, хорошо подготовленная атака. С этими словами люди шли на смерть. Ну, а в самом бою — это ведь не на спектакле, там уж кто как сумеет.

На территории Белоруссии в конце 1944 года мы захватили плацдарм, но оказались в окружении. Ждали подкрепление, а оно не подошло. Боеприпасы заканчивались. И мы решили прорываться из кольца. Во время боя осколок от разорвавшейся гранаты попал мне в голову. Я и не помню, как мы вышли к своим. И я вновь оказался в госпитале, на этот раз в челябинском, который располагался рядом с площадью старого цирка и имел номер 723. Из госпиталя меня выписали инвалидом 1-й группы».

В 1996 году Виктору Тимофеевичу исполнилось 80 лет. Участились болезни, притупился слух, но фронтовик долго не сдавался; с палочкой, но ходил быстро, являлся одним из самых активных членов Совета ветеранов войны и труда Metallургического района Челябинска. На выборах в Государственную Думу, 17 декабря 1995 года, он долго думал, за кого отдать свой голос. За коммунистов? Но они и так перешагнут пятипроцентный барьер. И решил проголосовать за блок с громким патриотическим названием «За Родину!»

КУДА УХОДЯТ ВЕТЕРАНЫ

К 20-летию Победы в Великой Отечественной войне фронтовики «Коксохимстроя» готовились особенно тщательно. Накануне праздника их пригласили в контору для

поздравления. Пришел туда и плотник 3-го участка Александр Логиновский. Он стоял в диспетчерской и докуривал коротенький окурочек. На его зеленой солдатской рубашке, 45

прикрывавшей многочисленные шрамы на теле, красовались орден Красного Знамени и нашивки тяжелых ранений. В Коксохимстрое все знали, что он отбывал длительный срок заключения по статье, не подлежащей амнистированию, и что при аресте у него отобрали все боевые награды, все, кроме одной — ордена Красного Знамени, который он ни при каких обстоятельствах не отдал.

После выхода на свободу Логиновский решил работать только на стройке. Во-первых, потому что строители работают всегда на будущее, и ему очень хотелось хотя бы прикоснуться к этому будущему. Во-вторых, строители работают бригадами, а в коллективе и жить веселее, и тяготы переносить легче.

Он принадлежал к поколению челябинских мальчишек военных лет, в школе прилежно учился, в жизни мог бы достичь многого, но, совершив подлог в своем паспорте, прибавил себе почти два года и добровольцем ушел на фронт. Воевал с азартом, проявлял отчаянную храбрость. Он, как Матросов, не закрыл амбразуру вражеского дота только потому, что для этого не сложилась ситуация: дот, который поручили им подавить, они забросали гранатами и открыли путь пехоте. За что командира отделения представили к званию Героя Советского Союза, а рядового Логиновского — к ордену Красного Знамени.

Пройдя на фронте «огонь и воду», пережив ранения и контузию, Логиновский возвращался домой повзрослевшим, возмужавшим, а все равно мальчишкой. С фронта вез, спрятав за пазухой, трофейный пистолет с комплектом патронов. Поезда ходили тогда сверхпереполненными, пассажиры располагались и на подножках, и на крышах вагонов. В одном из вагонов шло сражение в карты, организатором которого являлся хозяин карт — демобилизованный капитан. Логиновский проиграл ему все деньги, цепочку от часов, а затем и часы. «Я заметил, что он мухлюет, меня, пацана, обманывает, — вспоминал много лет спустя Логиновский, — и решил его пугнуть. Вынул пистолет и... Случилось непоправимое. Верно говорят в народе, что «на грех и палка стреляет». О случившемся Логиновский горько сожалел. Срок, который ему присудили, отбыл сполна, приговор считал справедливым и ни на кого не жаловался.

В «Коксохимстрое», куда он прибыл после освобождения, какую бы ему работу не поручали, всегда выполнял на совесть, неоднократно получал благодарности от начальства — прорабов В. М. Рябова, Р. А. Бакиева, В. А. Изотова и других. В своей профессии он достиг совершенства, считался одним из лучших плотников в управлении, и мало кто знал о его большом увлечении — он сочинял стихи. Конечно, стихи эти никто никогда не публиковал, лишь накануне Дня Победы стенная газета «Коксохимстроя» «На стройке» поместила его стихотворение, которое начиналось словами:

И если спросите меня,
Имеешь ли, солдат, награду?
Отвечу, что не стоит вспоминать,
Я дрался не за ордена и славу.

А заканчивалось — стреляющими строками:

Я не солдат, как в дни войны,
Лежит в запасе и моя винтовка.
Но это только до поры:
Сейчас в моих руках топор, ножовка.
И если грянет вдруг беда,
Вновь позовет к себе меня моя отчизна,
Вперед шагну я, как всегда,
Я — фронтовик, строитель коммунизма.

Готовясь к 20-летию Победы, комсомольский штаб Всесоюзной ударной стройки на Челябинском металлургическом заводе попросил фронтовиков поделиться своими

воспоминаниями о войне. Принес в штаб и листки из своего фронтового дневника А. Логиновский. Эти листки сохранились до сегодняшних дней. Вот они, пожелтевшие от

46

времени, неизвестно где и как они писались, но, как и прежде, от строк дневника веет войной.

«Нас лежало перед наступлением четыре человека: Чахлов, Рашид, я и еще один солдат. Мы ждали удобного случая, чтобы подняться и пробежать вперед хотя бы шагов на пятьдесят. И вот наконец кто-то махнул пилоткой, и солдаты стали вскакивать, кто из-за бугра, кто из-за кустов. Я вскочил вслед за Чахловым, взял немного правее и увидел, что правее нас тоже появились солдаты, и еще правее, и еще. Я не выдержал и крикнул: «Давай, ребята, давай!» А сам мысленно подумал: «Ну держись, фриц». И стиснул онемевшими руками автомат.

Город Гданьск находился внизу. Мы видели его пожарища. По всей вероятности, там горело все, что могло гореть. Снаряды и мины рвались без конца. Один взрыв прогремел рядом... Из нашей четверки осталось двое. Нас закидало комьями земли. Пахло гарью и порохом. Метр за метром мы продвигались вперед. Достигли окраины города. Раскачивался на проводах, как на качелях, расщепленный взрывом телеграфный столб, чадили горящие дома. В небе с шелестом, как будто что-то заворачивали в бумагу, пролетали снаряды.

Чем ближе мы приближались к центру города, тем сильнее становился огонь противника. У трамвайной остановки, расположенной возле памятника какому-то рыцарю, восседавшему на коне, нам пришлось залечь: откуда-то били по нам из автоматов. Мы переглянулись с Рашидом и хотели перебежать к трамваю, но, словно споткнувшись, упал на мостовую Рашид. Я бросился к памятнику, где солдаты вели огонь по окнам многоэтажного дома, и тоже занял удобную огневую позицию. Вдруг из дверей дома, занятого противником, к нам навстречу выбежала женщина с девочкой на руках. Не добежав до нас метров десять, она упала от прозвучавшего ей вслед выстрела, слышен был ее крик. Меня словно кто-то подтолкнул, и я выскочил к ней на помощь. Глаза у женщины закатывались, она с трудом, словно выдохнув, произнесла слово «Эльза». Девочка находилась рядом, я хотел взять ее на руки, но раздался взрыв, силы сразу покинули меня, изо рта и носа хлынула кровь. Приподнявшись на локтях, я увидел, что девочка жива и бежит в сторону наших. Больше ничего не помню. Утром меня подобрала санитары.»

В мире с давних лет утвердилась величайшая несправедливость в оценке различных профессий. К примеру, артист сыграет удачную роль или писатель напишет удачное произведение, и они становятся известными и почитаемыми по всей стране, их определяют в разряд талантов. А талантливый плотник остается в безвестии, ему в лучшем случае почетную грамоту вручат, хотя вершины в плотничном деле достичь гораздо труднее. Если кто-то в этом хоть чуть-чуть сомневается, может взять топор и попробовать. Логиновский являлся асом своего дела. Он работал плотником до тех пор, пока позволяло здоровье, а затем перешел в подсобное производство, ремонтировал старую спецодежду, подшивал валенки и еще долго оставался в числе коксохимстроевцев.

Прошли годы. В канун 50-летия Победы о Логиновском вновь вспомнили. Но где он? «Я видел его года два назад», — поделился с друзьями А. С. Савченко, бывший бригадир, а ныне пенсионер. «А по моим сведениям он умер года три назад», — сообщил заместитель начальника «Коксохимстроя» А. В. Штоль. Поинтересовались в районном Совете ветеранов войны и труда. «Нет, в наших списках Александр Логиновский не значится», — ответили из совета. Увы, значит сведения А. В. Штоля верны.

Говорят, что души умерших строителей не покидают построенные ими объекты и навсегда остаются с ними. В ночную смену души мерцают огоньками между металлоконструкциями доменных печей и сталеплавильных агрегатов. А если в ясную погоду со стороны Успенского кладбища внимательно всмотреться в облака дыма, зависшие над заводом, то можно увидеть их в виде розового ореола, венчающие эти облака. Конечно, это мистика. И все же, когда вы при въезде в Metallургический район увидите

47

современный жилой массив и величественную панораму крупнейших заводов, не забудьте вспомнить добрым словом их первых строителей.

Священная война

(Из цикла песен наших отцов и дедов.)

Слова Лебедева-Кумача

Музыка А.В. Александрова

Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная
Священная война.
Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы.
Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям
Мучителям людей.
Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб.
Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой.

Содержание

Сами мы не стреляли.....	4
Защищая Москву.....	5
Камикадзе.....	7
Хинганский поход.....	8
Мужали в боях.....	11
Новый председатель.....	14
Мгновения жизни.....	16
В эпоху грозную.....	19
В блокаде.....	21
На пути к Победе.....	24
11 июля 1943 года.....	27
Память о штурме Берлина.....	29
Встреча.....	31
Первый бой.....	32
Г.Е. Копанев.....	33
Судьба Сталинградца.....	35
Между двух пуль проскочил.....	36
Челябинский Виталий Бианки.....	37
Сержант Кукушкин.....	38
Пройденный путь.....	41
За Родину.....	43
Куда уходят ветераны.....	44
Священная война.....	47
Содержание.....	48....

-

/